

Когда остался последний патрон, ее
взгляд поджигает порох

Последний патрон Чехова

РУСЛАН ДЕ ХАН

Магия... волшебство... столько слов, что способны погрузить в экстаз, но разве могут они хоть на шаг приблизиться к любви, способной перевернуть вверх дном целый мир? Встряхнуть вселенную ради женщины и собственной гордыни. Рой — молодой парнишка, которому в руки попала сила проверить, сможет ли он выдержать этот путь и найти своё знойное лето в мире снега и льда. Найти любовь и ради неё перетряхнуть весь мир, сразившись с самым страшным злом. Самим собой...

Руслан де Хан

Последний патрон Чехова

Все давно спали.

Быстро нацепив кеды и сняв трение с подошв, я со всех ног понёсся к старому семафору, отделявшему город от полудикой стоянки «меченных».

Словно и не бывало вокруг пугающей темноты, моя прелесть невинно ковыряла туфелькой железнодорожную гальку. Завидев меня, Лера приветливо улыбнулась, но как-то нерешительно опустила руку и осмотревшись вокруг, быстро проскользила к заброшенному туннелю старого депо.

— А мою ненаглядную так и тянет туда, где по темнее, да?

Добежав до нашего укромного местечка, девчонка казалось счастливой, но глаза металась и блестели.

— Темнота — друг молодёжи...

Затормозив спиной о стенку, Лера с широкой улыбкой обвила мою шею руками и притянула к губам, от которых веяло недавним косячком.

— Я так рада, что ты ещё жив...

Сейчас во мне напрягалось отнюдь не здравомыслие, так что я вновь притянул Леру к губам и закружил на руках, не придав значение такому привкусу на её вёртком языке.

Всё же, не каждому везёт стать для девушки героем...

Пускай и попав в неоплатный долг к рабам.

— Прости, но у меня мало времени.

Лера вдруг помрачнела, а у меня по спине прокатился неестественный холодок.

— Прости... не могу остаться дольше. Он меня найдёт...

Хоть мои руки и были уже глубоко в её белье, любимая прижала ладошки к моей груди и отстранилась.

— Он уже здесь...

Перепугано уставившись в темноту, девчонка побледнела и пыталась побежать, но я схватил её за руку.

— Да что происходит, Лер?!

— Это ради тебя...

Не проронив более и слова, моя принцесса, со всей силы оттолкнула меня ударной волной её пульсирующего сердца и в тот же миг рванула из обветшалого депо.

Руки кровили от разбросанной гальки и металлолома. Стоило поймать вскруженную голову, как я со всех сил бросился за ней, на скорости теряясь даже в беге по прямой, но...

Не успел...

Стоило ненароком коснуться девичьего лица и встрепенуться, как наваждение спало.

Магия просмотра памяти вновь не дала мне разглядеть хоть что-то за бурой дымкой облаков и золотистой взвесью неестественной маны, насильно вырвав из пучины кошмара давно минувших дней. Тем временем честно отработавшая тощая девчонка по-быстрому слизала остатки и без лишних разговоров подобрал обноски, тут же убежала в душ.

Закатив глаза, мне с трудом удалось сдержать подступающий комок и не вырвать.

— Надо попытаться снова...

Голова раскалывалась от пульсировавшей под черепом, маны, но жар пламенных губёшек ещё теплился на нужных местах, унимая побочки заклинания, так что я не спешил

вставить, дотянувшись до пульта снятой квартирке.

— Второе прищес...

Клик.

— Иноплане...

Клик.

По привычке пролистав все каналы до последнего, я откинулся в кресле, а давно остывший, тухло сваренный шаманом-недоучкой, кофе, сердито зашипел от брошенной в стакан сигареты.

— Ничего нового...

Оставив «грешнице» её отработанный ключик от этой «элитной» квартирке и пару бумажек, я рефлекторно потянулся пальцами к губам.

— Ну раз так...

Выкуренная пачка отлетела в дальний угол, подав сигнал проверить время. Едва разгладившийся лоб вновь упёрся взглядом на дисплей чёрного кристалла, уже окончательно растерявшего последнее сходство со смартфоном. Что уж говорить про тяжесть технологической начинки.

— Пора...

Со скрипом, но с откровенной радостью ноги подскочили с кресла, а пальцы без лишних прощаний втянули меня из этой дыры в сизо бурый портал давно поставленным щелчком.

Пускай такое случалось и не часто, но в «замерших мирах» не стоило удивляться таким пустякам, как слегка смещённая стрелка часов. Впрочем, в этот раз идеальное, заранее просчитанное, время для встречи было ещё через два часа, так что я смело вошёл в полупрозрачные двери любимого кинотеатра.

Я не дожидался титров.

Никогда.

Жгучее чувство взглядов, сверлящих спину, удушало на пару с теснотой, где было не с руки даже выхватить кольт.

— Когда ни будь точно сопьюсь...

Рефлекторно осмотрев ручки двери на наличие едва различимых иголок, я быстро вышел из зала. С приятным послевкусием от расистских шуток и лёгкого шарма Джеймса Картера на губах, мне не сразу удалось разжечь сигарету кремниевым колёсиком, но чувство стёртых пучек оказалось приятнее, чем звучало на словах.

— Это вам не «прогресс»...

Затянувшись до хруста за ушами, я со вкусом сплюнул едкий комок от здешних сигарет и послал ко всем чертям бытовую магию, оскорбляющую слова «прогресс» и «наука».

Пускай и не пришлось бы прикрывать бесплатной газетой спёртый коробок на тридцать папирос.

— Время есть...

Быстро нацепив на запястье потёртые часы, снятые с нерасторопного прохожего, мне впервые удалось затянуться воздухом без сигаретного дыма, проглотив лишь непривычный смог, ушедший в прошлое вместе с технарями и «древней магией» внутреннего сгорания.

— Наверное, есть и от неё какой-то толк...

Затушив окурок о металлическую крышку над мусорным бачком у входа в здание, я не побрезговал сполоснуть рот чьим-то недопитым кофе, заботливо оставленным сверху как раз

для такого бомжа, как я, быстро свернувшего в тёмный переулок.

— А теперь пора...

Молодёжная куртка пошла в тот же мусорный бак, куда полетел и бычок. Из рукава без сучка и задоринки выскользнул намотанный на предплечье широкий галстук и не церемонясь повис неряшливым узелком под накрахмаленным воротником.

Бриолин удерживал зачёсанные волосы не хуже потрёпанной кепки, а широкий покрой штанин был классикой во всех мирах... тем более в тех, где в моде всё ещё были чёрные ногти и розовые чёлки, или даже старый ретро-клёш.

Прогулка заняла всего пол часа.

То и дело уступая дорогу мрачным школьницам, размалёванным в чёрное, я быстро прошёл по центральным улицам родного города, совсем не удивляясь непривычной моде или вкусу выхлопного газа здешнего бензина.

Впрочем, стоило приблизиться к «Двум товарищам», как озирающийся официант уже приветливо поклонился и провёл меня за любимый столик небольшого круглого зала.

— Давай как всегда, Вань... только в этот раз не забудь бросить лёд.

Давно подкормленный паренёк с радостью кивнул и убежал за сорокоградусной, а взгляд вновь потянулся к часам.

— Минута...

Опрокинув поданную стопку, я вложил пареньку в карман фартука привычную купюру и кивнул на кухню, куда парнишка увёл и девчонок в кружевах, всегда готовых удалиться с наваром без «прелюдий» напрямиком у стойки бара.

— Вы не против, если я составлю вам кампанию... Руслан Владимирович?

Знакомое... да что уж там, родное лицо с непривычной бородкой да зализанным чубом неспешно, по-директорски покосилась на меня исподлобья, но стоило мне сесть, как тотчас выронило из зубов едва раскуренную сигарету.

— Да ладно тебе, мужик...

Приподняв ладони, я приблизился к посеревшему дельцу и аккуратно подобрал его упавшую папироску.

— Люди смотрят, а ты мусоришь...

Слова только мешали. Стоило начать трепаться, как все они срывались. Припомнив того из сто третьего, я лишь скривился от горечи и выпустил клубок в лицо онемевшему парнишке из трёхсотого.

— Вижу, ты тут хорошо устроился... барыжишь? Только не говори, что американскими шортами или...

Голос сорвался на гортанный хрип, так что я прекратил проветривать рот и примирительно протянул парнише его сигарету.

— Ладно, коль ты юбилейный, то начну из далека. Не представляешь, сколько пришлось следить за твоим секретарём, чтобы узнать, где такая важная краля распивает кофеи.

По горлу и правда потекла сладковатая смесь натурального молока и бразильского кофе что не шло ни в какое сравнение с помоями магов-неудачников, за пропитые студенческие часы сосланных за барную стойку.

— Ты...?

От попытки парнишки подать голос, я лишь усмехнулся, но протянул ему фирменную визитку, что до сих пор казалось очень крутым, подметив заодно и небольшой шрам у него на руке.

— Хочешь спросить, кто я, не так ли?

На лице собеседника наконец проявились знакомые черты любопытства и страха, тщетно маскируемые напускной бравадой.

Прям как у меня...

— Что же, раз ты решился спросить, то уже должен был заметить, как опустел ресторан?

Выразительные голубые глаза не спеша отвели от меня взгляд и окинули помещение с толикой удивления.

Что же, на «Шерлока» не потянет, но...

Я с облегчением выпустил струйку едкого дыма.

Всё же, это точно не он...

— Ты видишь меня впервые, но я таких же повидал сотни.

Поборов внутренний порыв видеть в каждом пареньке «Смерть», я вынул изо рта плохонькую сигарету и Упершись в стол прищурил глаза, щипавшие от крепости дымка.

— Признаюсь, мне тяжело даже смотреться в зеркало... тошнит уже, понимаешь?

Раздавив бычок о терракотовую гладь расписной пепельницы, рука сама собой потянулась к давно не бритой щеке, а глаза с интересом пригляделись к своему холённому отражению.

Вот только рождённому в стенах этого...

Трёхсотого мирка.

— Думаю, у тебя уже и так созрела парочка идей, парнишь, но я здесь не за твоими органами. Поверь, параллельных миров не так мало, чтобы похищать своих же, понимаешь?

Уже набитая статистика вынуждала тренироваться принимать любой несуразный бред, как норму, так что по серому лицу и бандитским ромам с чёрными фургонами в самых лакомых местах, было не трудно догадаться о ходе собственных мыслей.

Тем более смотря себе же в глаза.

— Ладно, парнишь, давай так.

Я откинулся в кресле и снова раскурил, показательно щёлкнув вспыхнувшим пальцем, вместо банальных спичек.

— Я узнал о тебе то, что хотел, и показал достаточно, чтобы ты понял обо мне всё, что стоит знать. И не спорь... многие пытались косить под дурачка, но я знаю себя лучше, чем все вы думаете.

В груди стало припекать, а наружу попросился кашель, который вновь и вновь удавалось проглатывать взамен на окровавленную салфетку.

— Впрочем, раз я тебя запугал, то приходи в гости.

Решив удалиться и выпить обезбол, я приподнялся с кожаных перин и хлопнул парнишку по плечу.

— Поверь, «Совесть» поговорит куда душевней моего. Адрес на визитке.

Стоило причёсанному немного отойти от шока и открыть рот, как я пригвоздил его взглядом к креслу и демонстративно протянул недокуренную папиросу.

— Я настаиваю...

В глазах немного запекло, но мой двойник едва не потерял сознание, дрожащей рукой притянув бычок к губам, со страху раздутый до такого же красна, как и мои полыхнувшие зрачки.

Любимый приём...

— И не опаздывай. Поверь, ты не пожалеешь...

В зал уже вновь стали подходить «мадамы» и лысоватая быдлота, с трудом поспевая за своими же мамонами и дерьмово сделанными грудями спутниц, так что я демонстративно улыбнулся двойнику и вновь растворился в сизо бурой кутерьме.

Окно было столь же грязным, как и всё вокруг.

И всё же, оно хотя бы было.

На мгновение почувствовав себя богом, подарившим меченым «элитное» жильё, способное удержать тепло от их буржук, я впервые за день искренне улыбнулся.

— Что же... значит ещё повторим.

Увидев, как утренняя девчонка взаправду кормит свою истощавшую мелюзгу, а не кичиться подгоном от хозяина в новеньком шмотье, я со спокойной совестью оставил на подоконнике ещё пару монет и с щелчком пальцев, прикрыл глаза от яркого солнца сто четвёртого мирка.

— А здесь, как всегда...

Бегло миновав вазончики с цветами и насладившись холодком под воздушной кроной апрельской берёзы, я без опаски взялся за дверную ручку единственного места, где не боялся даже самого себя.

— Ну привет, «Совесь»...

Из колонки уютного салона привычно доносилась какая-то мелодичная корейщина, а воздух безнадёжно пропах корицей и сладковатой дымкой ладанных свечей.

— Просил же так не называть...

С приветливой до наивности, не испорченной улыбкой, из-за белой ширмы показалось пухловатое лицо с до боли редкой белёсой щетиной.

— Чего стоишь-то, проходи... для тебя время выделил аж два часа. А ты опоздал...

Не смотря на всю нежность пухляша, от улыбчивого, до лёгкой жути, поставленного взгляда, по спине пробежал пугающий холодок.

— Что беспокоит на этот раз?

Быстро сняв опостылевшую рубашку, я без колебаний уместился на кушетке, а по поясице растеклось горячее масло.

— Только не говори, что опять проткнули вилкой?

Припомнив мне дела давно минувших дней, моя Совесть засмеялась и по громче подкрутила свой излюбленный музон.

— На этот раз парниша посерел. Ничего даже не сказал, но... это был не он.

— А ты всё ищешь неприятностей, да? «Смерть» придёт сама, её искать не надо. И кстати...

Изрядно придавив под лопаткой, моя садистская личность прошлась вдоль хребта и плавно съехала пальцами по затёкшей шее, в очередной раз скаламбурив про совсем несмешные вещи.

— Понимаю, что тебе подташнивает от собственной красоты, но раз имена у нас одни, то может будешь звать по отчеству? Забавная мелочь, но коль они во всех мирах у нас разные, то давай буду Евгеньевичем. «Совесть» — это как-то...

Колонка медленно затихла, а спустя пару мгновений вновь заиграла бодренькой мелодией со знакомыми голосами темпераментных девчонок.

— Что-то новенькое?

Покряхтев на меня и ворчливо поцокав на попытку съехать с темы, Евгенич всё же ухватился за больную мышцу и словно не замечая писка, примирительно вздохнул.

— Не хочешь отвечать, да? Ладно... ещё припомню.

Потянувшись к тумбочке, брат всучил мне всё ещё изысканный смартфон, где играл тот самый клип.

— А у тебя глаз намётан на свежак. Только вчера скачал. Мои новые фаворитки, между прочим...

— Поверю на слово. Твоя любимица и правда была то, что надо.

— Таки нашёл? Печально... не хотелось верить, что она тоже пропадает в гетто. У нас-то билеты на её концерты раскупают, как пирожки.

— Ох, поверь...

Я с издёвкой растянул слова, повернув голову, чтобы увидеть своё непередаваемое лицо.

— Она устроила мне ещё тот концерт...!

В глазах на мгновение мигнуло, а потом и вовсе погасло на добрых две секунды. Дыхание сбилось, а рот глупо шлёпал губами, в попытке вдохнуть.

— Козёл...

Крепко приложившись кулаком, Евгений плотно растирал мою отбитую спину, нарочито грубо вправив нажатый горб.

— А ведь я предлагал поменяться, если найду... была бы горячая ночка.

Замерев, братишка лишь сердито шмыгнул носом, но потом вновь с упоением ухватился за мою стонавшую шею.

— А я отказался... сам знаю.

Перевернувшись на спину, я приоткрыл глаз и пересёкся взглядом с помрачневшим братом.

— Я же говорил... хоть девчонку ты и упустил, но «Совесть» тебе в самый раз.

Евгенич раздражённо цыкнул и набросил мне на лицо голубенькое полотенце, пропахшее клиентками и дымом его любимых ладанных свечей.

— Кстати, ты же принёс, не так ли?

Навалившись с особым азартом, до стога промяв мне пропитую печень, Совесть выбила из меня всю оставшуюся дурь, но спустя пару минут, постукал по носу шуршащим листком.

— Вот слова новой песни. За мелодией приходи завтра. Ненавижу возиться для тебя с нарезкой файлов...

— Спасибо.

— Не благодари. Лучше не тра...

Доведённый мной до брани, пухляш едва сдержался, демонстративно поправив лишь аккуратно уложенный галстук.

— Лучше не спи с моими кумирами... пускай и из другого мира.

— Договорились.

Я бегло пробежался по листку с корейщиной и переводом на православный, уже предвещая пополнение бюджета.

Всё же, девочки из гетто просят не так много...

В глазах вновь запекло с неистовой силой, а Евгений резко оторвался от моих кишков, стоило от боли в зрачках прорваться огоньку.

— Прошу, смилостивитесь ваша милость... простите дурака.

Едва сумев вдохнуть, вместо жалости я увидел только давившегося смехом белобрысого садиста.

— И зачем я только тебе всё рассказал?

— Ну, не каждому везёт быть королём нищих, знаешь ли... а утаил, я бы обиделся.

Боль в животе ушла, а от растёкшегося тепла и первого за месяц, чувства приятной слабости, захотелось ему по-братски врезать.

— Поверь... тут не чему завидовать.

— Не проверишь, не узнаем.

Умело подметив мои пухнувшие уши, Совесть нравоучительно поцокал, но поднял меня с кушетки и ловко выбил одну сигаретку из припасённой пачки.

— Как мило...

— А то... курение убивает, а смена власти способствует прогрессу. Такая забота только в радость.

Голова приятно кружилась от томной неги, так что в первые секунды удалось лишь хмыкнуть.

— Ты прав... что же, пусть меня лучше замучает любимая Совесть, чем Смерть или рак.

С удовольствием вкусив приятных сигарет, успевших пропитаться вездесущим ладанным дымком, я протянул Судьбе заработанные деньги и хлопнул по плечу.

— Ладно, умник... пока готовься принять наших. Пора открыть совет.

— Ну наконец-то! В этот раз слезка затянулась. От тебя вестей не было почти полгода.

Услышав срок, я дрогнул, едва сдержавшись от скрипучего кашля, но не подал вида.

— Тогда до встречи на совете... брат.

Отданная на откуп меченным, вновь обжитая промзона представляла собой угрюмое зрелище. Бесконечные трубы да мусорные хибары, ютящиеся на всех немыслимых уступах и закутках, пестрили пятнами слезшей краски и маслянистыми разводами угольной пыли.

И всё же...

Кокс и сталь не потеряли актуальность даже в мире драконов и меча.

— Больно видеть, как закрывается твой родной архитектурный факультет. Кому к чёрту нужны архитекторы, когда есть сраная магия, верно?

Хорошо фильтруемое помещение усадьбы в старом офисе заводской администрации оставалось удивительно чистым, именно этим, в наши-то дни, подчёркивая правительственный статус.

— Дизбалансное дерьмо...

Взяв со стола трубку, я неспешно поднёс к ней огниво, отодвинув подальше в глубь ящика старинный колыт, решив удостоить новости о похоронах ВУЗа заморским табаком, а не пулей.

— Сегодня день вашего пришествия, сир. Как бы то ни было, вам стоит подготовиться.

— Меня так долго не было?

На календаре взаправду уже было первое число.

— А время летит всё быстрее...

Я заметил это уже давно, но не хотел в это верить. Покинув грязное окно съёмной квартиры всего два часа назад, по плану должен был вернуться к семи, но утро обогнало меня аж на четыре часа.

И как назло быстрее всего летит оно в любимом из миров...

— Раз у нас только час до праздника, то раздай всем гречихи с молоком. Слышал в двадцать седьмом это работает на ура.

Альфред недовольно втянул воздух сквозь седые усы, но промолчал и вынув бумаги, подошёл ближе к рабочему столу.

— А что подготовить для вашей речи, сир? В такой день точно стоит упомянуть, как вы остановили императора-жреца и выторговали место в мире даже меченным. Люди любят истории о Давиде и Голиафе... а с вами это ещё и не сказки.

Как и много раз до этого, я не стал говорить, что просто подменил ту гниду на безобидного двойника, уж больно удачно разлившего на меня отменный кофе в одном из миров.

Тем и подкупил...

И всё же перед глазами сразу пронеслось Лерино лицо. В уголке рта стянуло от оскомины, стоило подумать о речах, но эта дата была счастьем только для её обожаемых меченных...

И днём её похорон.

— Раз вы так благодарны мне, то придумай что-то, Альфред... ты же подготовил цветы?

— Разумеется, сир.

В этом вопросе даже прожжённый циник, ненавязчиво державший меня в цепях общего секрета, не смел спорить и соскрёб с моих бедолаг очередной налог.

В голове же до сих пор не было мыслей о том, как править свалившимся на голову

сбродом, известным лишь «пометкой дьявола» и не имевшим сил подтереть свою задницу шаманским фокусом.

И всё же, красен долг лишь платежом...

— Пусть речь зачитает двойник, Альфред. Я создал себе маленький мирок, чтобы забыться в ласках шлюх и торчу с вами лишь за то, что не раз спасали Леру, но уж точно не для чтения речей.

Впрочем, меня тоже не трогали только за крышу от императора, на удивление до сих пор не разучившегося варить отменный кофе и к ещё большему удивлению, толи из благородства, толи глупости, до сих пор лично угощавшему меня.

— От того вы мне и нравитесь, сир. Всегда не против постоять в стороне, когда верные слуги находят способ жить красиво.

Альфред быстро раскланялся и не став слушать мой унылый трёп, процеженный сквозь пожелтевшие зубы, побрёл искать «свои способы», как достать дорогуший бриолин.

Пасмурный полдень...

Как всегда.

Туннель почти полностью сгнившего депо держался лишь на честном слове, но вороны не требовали большего.

— Привет... Лер.

Пройдя вдоль смердящей обочины со слизкими краями, сочащимися от давно не впитывавшейся крови, я присел у единственной могилы.

— Прости, что не грог, но...

Я скептически осмотрел зелёную бутылочку марочного вина, запаянную поблёскивавшей руной.

— Это лучшее... оторвал как от сердца и почек.

Сиплый смех утопал в тяжёлых каплях ледяного дождя, словно наливавшего на плечи целый океан поверх чернеющих гор.

И в итоге я заплакал...

Как всегда...

Лишь раз в году.

Платишко в цветочек было далеко не новым. Пускай и пахло порошком, оно не раз рвалось теми самыми руками, что измазанные в кладбищенской грязи, открыли дверку дома его хозяйки, но всё равно настырно штопалось каждый год.

— Проходи...

Порог бедной лачуги был единственным местом, где я всегда ждал приглашения. Не смотря на аромат из кухни или голод по женскому теплу. На полу же тотчас остались грязевые разводы, а с волос всё ещё продолжали капать маслянистые капли от чёрного дождя.

— Не парься. Я всё протру.

Хлопоча на кухне, из крайне бедной, но ухоженной комнатки вышла Хэдзон и бросила мне в лицо серенькое полотенце.

— Будешь есть?

Я просто молчал. Всё, что хотел, я выплакал на кладбище... а теперь, как и каждый год, пришёл к её порогу и не знал зачем.

— Ясно... ладно, забей. Муж наверху. Уснул, но у него уже началось пожирание, так что...

Потухший взгляд упирался в подол её платья и бездумно смотрел в никуда, но хозяйка всё равно грубо подняла меня за подбородок и посмотрела в глаза.

— Ты же принёс?

На автопилоте вынув автоматизированный шприц, ноги подкосились от выпитой бутылки, но девчонка ловко извернулась и выхватила лекарство.

Не парясь обо мне.

— Слава богу...

Прижав к груди заветную колбочку со шприцом, Хэджон с облегчением прикрыла глаза.

— Успела...

Только упав на пол, я заметил, как с её колен сочилась кровь, а под глазами было припудрено больше обычного.

— Это он?

Я кивнул на потолок, едва ли не светившийся алым ураганом беснующейся маны.

Убрав за пазуху драгоценный магический антидот, Хэ слегка скривилась, но всё же перекинула мою руку через плечо и усадила за стол.

— А это из-за неё?

Хэ демонстративно стянула с меня перепачканную куртку и поставила на стол спирт.

— Что же... можно сказать, что мы нашли друг друга.

Хэджон ещё больше поникла и легонько прошлась ватой по поим исцарапанным рукам, словно протирая у торчка следы неудачных попаданий дрожащего шприца.

— Мой любимый сегодня едва перестал светиться, но его всю ночь бросало в жар.

— Лекарь Е тоже не взялся?

Девчонка помрачнела, но потом подлила немного спирта.

— Да... сказал, что с таким даром, моего мужа уже не спасти. Маны у пациента в разы больше, чем у врача, и он бессилён. Как всегда...

Она залпом опрокинула надколотую стопочку.

— Мозг лишь умер первым...

Единственный человек, кто был равен мне по мане уже давно не реагировал на мир, раз за разом сотрясая весь дом магической волной, но не умирая с миром из-за сердобольной... уже зависимой жены.

— Чёртова магия...

Вылив спирт мне прямым на ссадины, Хэ с силой прижала расцарапанную ладонь.

— Не пеняй всё на магию, сволочь!?

В её глазах показался отдалённый огонёк, а поле маны замерцало ядовито алым.

— Ты единственный, кто может поглотить его ману, так чего же ты ждёшь!?

От удара по столу на полированной глади остался почерневший след, а с девичьей кожи осыпался пепел.

— Он же твой брат!

Чувствуя любое дуновение маны, давно бездушная оболочка моего братца вновь взбушевалась, а на стол упала сорвавшаяся люстра.

— Ты знаешь ответ...

Едва укрыв невестку спиной от разлетевшихся осколков, в свете оставшихся свечей, я смог разглядеть лишь её наворачивавшиеся слёзы.

— Лжец...

— Она убивает миры, Хэ. Я лишь окажу ему медвежью услугу.

— Жалкие сказки!

Хэ с силой трянула меня за воротник и ударила спиной о стену.

— Всё из-за... неё... да?

Альфред был единственным, кто знал про назначение цветов, но лишь Хэ я рассказал, почему Лера умерла.

Как её поглотил сизо бурый ураган...

— Мне плевать на мир, Рой... было плевать с тринадцати лет... пусть он хоть замрёт, но...

Над нами вновь раздалось загробное мычание и безвольный шорох дрожащих стен, от которых Хэ уже не удержала слёз.

— Лучше я замру вместе с ним...

Упершись лбом в мою грудь, невестка сжала рубаху и дрожала, пока, наконец, мычание её любимого не прошло, а стены перестали сыпать нам за шиворот ржавую труху.

— Может ты и не привык привязываться к кому-то, но если ради твоих «услуг» придётся пойти на всё, то...

С тонких плеч скатились бретельки, приоткрыв завесу его синеньких цветов.

— Я раз за разом заставлю тебя её забыть...

В глазах неистово запекло, а сквозь алый полумрак, я смог лишь схватить девчонку за горло, едва удержавшись, чтобы не выпустить огонь сквозь пальцы от взгляда, полного ненависти.

— Да...вай, Рой... у...бей...

Хотелось закричать. Докричаться, наконец, до её ума, но что стоил мир, когда в нём не было самого важного?

И как никто, я это понимал, а от того было тошно, что магическая помойка, с единственной могилой, мне всё равно оказалась важней.

Пускай и говорил о целых мирах...

— Уж лучше так... если не спасёшь.

Больше я её не слушал. У вскипавшей злости и отчаяния был лишь один выход, уже найденный под пряжкой привыкшими руками со всегда искусанным маникюром.

В такие моменты, я хотел, чтобы брат просто умер, но...

Здрав постиранное платье, я больше не думал ни о чём. Ни о Лере...

Ни о брате...

Ни о чёртовых мирах, но вновь, как и каждый год лишь молча внял её эгоистичным мольбам и впитал очередной сизо бурый ураган, с не обсохшими слезами прильнув за скопившимся соком невестиных цветов.

Я до сих пор не знал, как работал сизый ураган. То и дело он размывался в душное облако, всего на секунду обретая смутные черты круга из комикса про ведьмочек или чего-то вроде двери.

— Ну, с богом...

Не смотря на риск сгинуть без следа, желание миленького личика пересилило страх. Закрыв глаза и представив Леру, я оставил записку и щёлкнул пальцами.

В лицо со всей силы ударил жгучий ветер.

— Что за...?

Не успел я ступить и шага, как меня ушибло о землю и вздёгнуло вверх тормашками на охотничьей петле.

— Ты... снова?

На затылке сочилась кровь от удара о промёрзшую землю, но звёзды осыпались быстрее чем я думал, стоило размытой фигуре опустить приставленное к горлу копьё.

— Я ведь просила бежать и не возвращаться.

Мороз пробирал до костей, а кругом была лишь непроглядная лесная глушь, но в бликах костра я всё равно её узнал.

— Говорил, ведь, что не шучу. Вот и вернулся.

Хоть пламя финской свечи слабо разгоняло ночной мрак, пугая жаром лишь лёгкий звездопад с еловых крон, мне всё равно показалось, что Лера смутилась.

— Появляешься из неоткуда. Раненый, в странных шкурах...

Девчонка подцепила мой свитер краешком тяжёлого копья.

— Воруешь жареного кролика после перевязки, а теперь снова клянчишь у старшей охотницы клана руку и сердце? Хоть и чужак, но должно же было хватить недели в яме.

Лера с трудом сдерживала ухмылку, всё не унимаясь тыкать в чудаковатого красавчика пальцем. Благо, про красавца я зал не понаслышке, пережив ту злосчастную неделю лишь на сладостях от местных девчат, не смущавшихся клянчить за подачки глупых рожниц от диковинного гостя.

От того-то теперь и оставлял записки.

— Прости за дерзость, красавица, но такую охотницу встречают раз в жизни. Уж поверь, ради тебя я пересёк уже тридцать миров, так что серьёзен, как никогда.

— Снова за свои сказки? Миры... ради тебя...

Помрачнев, охотница подставила острие копья под нежное ребро, от чего даже потекла кровь.

— Всё это лишь слова... предложил бы хоть медведя, а так...

Толкнув меня в живот подтоком рогатины, прелестная дикарка состроила сердитую рожницу, но не смотря на старый шрам, всё равно подстрелила сердце смущённой улыбкой.

— А знаешь, может, мне так тебя и оставить?

Подловив мой взгляд, Лера всё же поняла, что лицо выдавало её с потрохами, а от того лишь сильнее спряталась в мехах воротника и ткнула меня в пузо.

— Вижу, ты у нас языкатый, но за ночь тут пробегает много зверья, а оно не станет слушать болтовню. Вот и посмотрим, сколько у тебя останется решимости говорить о мирах.

— И тогда ты уйдёшь со мной?

Лера лишь хмыкнула и оставив меня болтаться подвешенным вверх тормашками на охотничьей ловушке, отошла к костру.

— Сначала дай повод поверить в сказки...

Последние слова утонули в треске костра, оставив меня наедине с собой.

Стало смеркаться.

Спустя пару часов тщетных попыток освободиться и отделаться от игривой охотничьей собачонки, заливавшей нос до дыр, пришлось сдаться и беспомощно обвиснуть, как утопленный червяк.

— Может всё-таки отпустишь?

Девчонка промолчала, лишь издевательски покрутив дымящейся кроличьей ножкой и продолжила бесцеремонно потрошить мой рюкзак, с интересом уставившись лишь на маленькое зеркальце.

— И давно у вас всё так...?

Я окинул взглядом сумрачный лес и бесконечные заросли иголок в подушечке из снега и льда.

— Хоть иногда бывает лето?

Лера посмотрела на меня как на умалишённого с оттенком жалости, но потом лишь усмехнулась, с азартом уцепившись зубами за влажное мясо.

— Снова о сказках...? Впрочем, не удивительно. Надо будет струсить с девчат в три шкуры.

Приободрившись, Лера зачерпнула в деревянную плошку немного ароматного кипятка и вновь отпустив собаку в дозор, подошла ко мне уже без копья.

— Так и знала, что ты шаман-сказитель. Поставила аж три стрелы!

С огоньком в глазах, охотница до смешного строго стиснула кулачок, но потом мечтательно улыбнулась, едва не пуская слюнки от «сыгравшей ставки».

— Пришёл из-за гор? Говорят, там и правда тепло. Как-то в детстве Каза а Стан даже продавал яблоки... за три штучки отец отдал целого медведя.

Ухватив меня за щеку, девчонка проскользила по моей коже и присмотрелась к ладоням.

— То та на яблочках ты такой смазливый... руки, как у девчонки, ей богу. Хоть раз бывал на охоте?

В голове всё ещё плохо сочетались слова, но мысли понемногу согревались от тепла её касаний и сладости девичьего дыхания.

Не смотря на не чищенные зубы...

— Казахстан?

— Точно... так они его и кличут.

Пнув меня локотком в ребро, девчонка игриво улыбнулась и дала отпить из плошки.

— Вот ты и попался. А то всё про сказки да миры...

С покрасневшими щеками, игравшими пунцовым наливом от пламени свечи, моя неприступная охотница вновь оттолкнула и отвела взгляд.

— Вместо них лучше предложил бы яблочк...

Кровь притекала к голове, пульсируя в запёкшемся затылке, но раз меня коптили над уральскими лесами, то одно понял точно. Сизый туман притягивал меня к моей судьбе даже через пол мира, представь я лишь её лицо.

Стоило открыть рот, как к губам вдруг накрепко прижалась мозолистая ладонь.

— Тише...

За гранью освещённого пяточка послышался треск и собачий лай, а потом и не громкий, но тяжёлый гортанный рёв.

— Твою ж...!

Я не успел моргнуть, как девчонка скрылась у меня за спиной, срезав верёвку и скрывшись в соседних зарослях. Лай же дружелюбной собачонки превратился в сдавленный писк, а из чернеющих крон показался медведь.

Сердце бешено застучало. В глазах пекло, но мана испарялась, как утренний туман, стоило пересечь сизую черту.

— Ныряй под него!

Бурая стихия пронеслась мимо костра, разметав остатки пламени и замахнулся над моей головой. Я хотел сдержаться, но трусливое нутро всё равно взяло своё, прикрыв лицо руками и закричав, но...

Просвистев над головой, стрела вонзилась в мякоть медвежьей лапы, дав секунду на трусливое бегство.

Всё заняло мгновение.

Ногти сочились кровью, отползая по острым коркам льда, но одним касанием свалив шалаш из пихтовых веток, разъярённый зверь метнулся к Лере и со всей силы сбил её с ног.

Больше нутро не колебалось.

Прошу...

— Всего один разок...!

Щелчок оказался столь громким, что в горной глуши заложило уши.

И всё же...

Настоящий... грязный, дымящийся от жара на фоне вечной стужи, медведь прохрипел в чёрное зимнее небо и упал. Разрезая воздух, рогатина сочилась горячей кровью, стекавшей на руки и капавшей в сизую дымку под вспоротым брюхом.

Хоть Лера и была в десятке шагов, я не знаю, как смог открыть портал.

Всё случилось само, словно было и вовсе не со мной, но...

Стиснув окровавленную гладь, я впервые почувствовал, как в венах тёк настоящий, не поддельный кураж. Почувствовал, как пряжка лопалась не от свисавшего дерьма, а от тяжести нутра... впервые переставшего дрожать.

— Колдун...

Глаза девчонки сверкали, отражая затухавшие угольки, но руки в испуге с силой стискивали нож. Впрочем, чего я ожидал, открыв портал у ног дикарки.

В пальцах как-то сразу пропала бодрость, а пряжка вновь перестала давить.

— А можешь так же с яблоками?!

На мгновение повисла тишина. Я не сразу решил поднять глаза, но Лера терпеливо ожидала ответа, искренне всматриваясь в чудака перед собой.

— Я... яблоки...?

Губы искривились в судорожной улыбке, а до головы стали медленно докатываться те самые чувства, какие и должны.

— Ага! Может ты и колдун, но ради яблок могу и потерпеть.

Словно ничего и не бывало, девчонка отлипла от деревца и быстро вскрыла шкуру волосатого монстра, от которого у меня, наконец, затряслись колени.

— Вот! Для колдуна даже не жалко сердце!

Девчонка всё ещё стискивала нож, но искренне улыбалась из-под шапочки из снега на белобрысой макушке, с невинными глазками протягивая мне только что вырезанное кровоточащее сердце.

Из глаз полились слёзы, а изо рта кое-что похуже.

— Цена заклинания?

Похлопав по спине, Лера, словно издеваясь, подсунула сердце мне под нос, а едкий запах крови сделал дело, заставив вырвать с новой силой.

— Бедный... надеюсь, с яблоками не будет таких проблем?

От милоты и наивной алчности едва не стошнило вновь, сводя скулы до скрипа за ушами, но...

Утерев лицо скребущим снегом, я просто заржал.

Заржал так, как не гоготал ещё ни разу в жизни.

— Поверь, красавица... для моей женщины мне не жалко и такой цены.

Вновь стиснув окровавленное копьё, я кое как поднялся на трясущихся ногах, и неуверенно взял её за руку.

— Пойдём со мной... Я отдам тебе все яблоки во всех мирах, только прошу... убери это.

Язвительно фыркнув, закалённая девчонка не повела и носом от обилия крови, а лишь неспешно забрала свою рогатину из моих трясущихся рук.

— Однажды, я уже встречала колдуна.

Упав на пенёк, я уже не обращал внимания на промоченные штаны, а девчонка вновь разожгла костерок.

— И что?

— Потом слишком многих пришлось оплакать.

Прикрыв глаза собаке, Лера что-то прошептала над тельцем и присыпала землёй.

— Может, для вас за горами мир и стелен яблочной листвой, но у нас сказки не учат доброму концу.

Подобрав, извальявшегося в снегу, кролика, Лера протянула всё ещё тёплую грудку и нарочно удержав её за косточку, всмотрелась мне в глаза.

— Я старшая охотница, Рой, и поверь... знаю, насколько ревнив заснеженный лес. Старейшина доверил мне легенды нашего народа, но они не нужны, чтобы это понять... не знаю, как в твоих мирах, но наш не прощает сказки про лето и добрых чужаков.

Лера печально потупила взгляд и обессиленно отпустила кость.

— На мне пятнадцать ртов, Рой и всё же... зная всё это, я допустила ошибку.

— Ошибку? Какую?

Уняв подкатывавшую тошноту, я состроил нарочито грубый голос, от чего моя любовь лишь тихо засмеялась и протянула мне руку.

— Поверила в сказки...

Лера резко вздёрнула меня на ноги и встав на носочки, совсем неумело, но так желанно притянула к губам.

— Только не дай мне пожалеть... подстрелю, как кролика.

Спрятав глаза в меху охотничьей накидки, девчонка упёрлась лобиком в мою грудь и потёрлась о свитер, словно маленький волчонок.

— Так пошли со мной...

Только спустя минуту, от сердца, наконец, отлегло и мозг поверил, что это не сон.

— Не хочу давить, но я не пытался купить тебя за яблоки.

— Между прочим, отец бы согласился.

— Правда?

Легонько боднув меня в плечо, Лера куда серьезней заглянула в глаза.

— Дай мне время смириться с тем, что впервые стала жертвой...

— Не хочу хвастаться, но жертвы тут мы с медведем.

Лера тихо засмеялась, но потом улыбнулась и быстро отстранившись, с огоньком в глазах растворилась в снежной кутерьме обледеневшего мирка, так и не дав мне шанса её удержать.

И только тогда... в последний раз встретившись с ней взглядом я, наконец, осознал, то, что она не хотела раскрывать.

Понял, что дело не в звёздах и не в замирающем ядре...

Нет.

Всё это время именно в этих глазах и цвело в этом мире его самое жаркое...

Настоящее лето.

Снег стискивал грудь.

Ледяная масса сошедшей лавины поглощала боль пронизывающей стужей, но дыхание упиралось в желанный лоб, не в силах вырваться из хватки белоснежной тюрмы.

— Надеюсь... ты не будешь... против.

Лера не ответила даже тогда, когда я прижал её к себе и укутал нас обоих в своей куртке.

В груди похолодело, а синие губы уже даже не дрожали.

Пальцы же предательски сковала дрожь. Обледеневшие пучки стонали от попыток щёлкнуть, но ничего не выходило.

Ни сразу...

Ни сотню раз спустя.

— Только... не... так...

Веки медленно слипались, погребая сознание под толщами сошедшего снега, но сердце знало, что делать.

Как в прямом смысле, так и нет.

Из последних сил прижав девчонку к груди, я поцеловал её в лоб и попрощался.

— Спа... су... хотя бы... так...

Не смотря на смерзавшиеся веки, я дал сердцу отмашку и щёлкнул в последний раз.

В груди нестерпимо жгло.

Выбитая дурь вернулась в голову с привкусом гари, а мимолётный, до безумия реалистичный мираж, словно вырванный из прошлого которое я не проживал, развеялся как дым.

— И это всё?

Пренебрежительно сплюнув, гаркнул мой парнишка из нового мирка, умело переминаясь с ноги на ногу.

— Не думал, что в ЦРУ меня настолько недооценивают.

Ещё не сплюнув кровь, горлянка разразилась смехом. Всё же, не каждый раз удаётся увидеть, как в одном из множества миров таки сбывается мечта любого мальчишки стать шпионом.

— Я просто пришёл на экскурсию, парнишь... за что бугурт?

Потоки маны обжигали кожу. Глаза наливались жаром от сизой кутерьмы, но с каждым ударом по моей груди она багровела всё сильнее.

— Экскурсия? С радостью составлю кампанию... колючая проволока хороша в эту пору.

От едкости сарказма, я не сдержался и в глазах запекло уже наяву. По лицу же чекиста промелькнула лишь смутная тень, но в тесном коридоре с мерцающей лампой я расслышал только хруст его сжавшихся кожаных перчаток.

— Сам нарвался, парниша...

Мне всегда казалось, что я дрался сносно. Даже хорошо. По крайней мере до этого легко избивал всех строптивых пареньков, решивших поспорить со «старшим братом», и уж точно не вкладывал в удар всю оставшуюся силу сизой кутерьмы.

— Не плохо...

Удар угас, как дерьмовая спичка. Кутерьма впиталась в набитую голень, не дав замаху

даже выйти на финальную прямую, а на лице чеки лишь заинтригованно приподнялась рассечённая бровь.

В тот миг я успел только вскрикнуть.

Голова вскружилась от хитрого пинка в подбородок, а мгновение спустя уже захлёбывалась от удара в горло.

В ушах звенело.

Удар и удар.

Живот стянуло, а со всех щелей сочилась кровь.

Кулак впитал мою челюсть и с тяжёлым чавкающим звуком отозвался в черепе далёким хрустом.

Я успел лишь вдохнуть. Парниша краем глаза попал в поле зрения и тотчас вновь уронил кулак мне на лицо, в прыжке оттолкнувшись от стены.

Зубы даже не заметили, как уже впились в пол.

Благо хотя бы за паркет.

В груди стала закипать ярость... вот только спустя секунд так десять, когда весь пол уже был вытерт моей никчёмной тушей и украденной курткой. А вот двойник из триста первого спокойно одёрнул воротничок рубашки и заботливо струсил со своей семиклинки придорожную пыль.

— Так... это новый рекорд.

С бездушной ухмылкой, словно заядлый курильщик, капитан потянул за цепочку, ловко отбросил крышку латунных часов и вновь посмотрел на меня с налётом призрачения.

— У вас, янки, что, понизили планку?

Подойдя ближе и рефлекторно улыбаясь, мой парнишка навёлся слепым глазком макарова мне на лоб.

— И сколько же в тебя влили поборов с трудового народа, а, янки?

Двойник похлопал меня по щеке, словно любясь собственным лицом, но потом фыркнул и играючи вынул из кармана пластиковый хомут.

— Ладно... такого и стрелять жалко.

Я впервые испытал такое унижение. Глаза запекли до немоты, а от стойкого запаха его сигарет грудь с новой силой разорвалась синей кутерьмой. Сердечная волна в тот же миг отбросила паскуду, как и сорванную штукатурку, а меня осыпало искрами в момент изорванной проводки.

— Гадство...

От впитанных ударов тряслись даже ноги. В темноте же искрившихся ламп мне удалось разглядеть лишь ехидно усмевавшегося клона, утёршего с губы одну единственную капельку крови.

— А вот это уже интересный фокус...

Чека медленно зашагал мне навстречу, растирая в пыль осколки взорванных ламп кирзовым сапогом.

— Как думаешь, «братишка»...

С леденящей душу улыбкой, парниша струшивал с плеч пригаринки от моей магической волны и неуклонно близился ко мне.

— Майору понравится?

Нас разделяло метров пять, но лишь в последний миг его до дрожи пронизывающие глаза улыбнулись мне почти в плотную и, вместе с кулаком у носа, растворились в сизой

кутерьме.

Вот только растворить ужас и стыд она была не в силах.

— Мать... твою...

Я не смог даже нормально выругаться, пока перед глазами всё ещё стоял его не моргающий взгляд с мёртвой синевой. Едва отдышавшись, мне не удалось подобрать мата, чтобы выпустить пар.

Впрочем, ему-то уже плевать, а вот для себя...

Стоило задуматься...

Как минимум над новым этажом для крепкого словца. Трёхэтажного мне уже не хватало.

— Ну и мирок...

Хоть на первых порах триста первый и подкупил чистотой улиц да вкусом сигарет, но даже мой «Аналитик» не ожидал, что местный парниша найдёт меня сам в первый же «разведочный» день. Впрочем, разыграть спектакль при кассирше газетного ларька и по тихой отвести «близнеца» в застенки, чтобы надрать мне зад как минимум за то, что попался с «его» лицом за кражей папирос, было даже справедливо. Не говоря уже про имидж голубеньких погон.

— Есть куда расти...

Остановившись на позитиве, я вновь вспомнил тот день, когда был не столь жалок, а даже крут, согрев свою любимую охотницу магией бьющегося сердца даже под толщами сошедшего льда.

— Моё золотце...

Погладив себя по груди, я уgomонил колотившееся «золотце» и тихо вошёл в дом. Аккурат в тот самый момент, когда Хэ уходила в душ.

Треклятая магия, как мерзкий сорняк проросла везде, куда бы я не пошёл. Уходила корнями в её ткань, безмерно ускоряя всякую «параллель». А может и неуклонно тормозя мою.

Словно погружая в летаргический сон...

Пушкой это и давало надежду, что, когда все умрут, именно из моего мира всё возродится вновь, но пока что параллели с медленной стрелкой на часах встречались всё реже и реже.

Впрочем, пока они оставались таковыми я смог вернуться на пятнадцать минут раньше, чем уходил. Лишь бы хватило маны.

Удобно...

И всё же я как-то рефлекторно потёр живот, припомнив, как меня чуть не грохнули за партией в покер. Благо сто пятый был ещё в запасе и помог отсидеться, вернув обратно в моё болото на одну раздачу раньше.

— Привет... братишка.

Ростик сидел в коляске и бездумно таращился в окно.

— Прости...

Я сам не знал за что извинялся. Физиков среди своих близнецов я так и не нашёл, но временной парадокс и соответствующий двойник до сих пор ещё ни разу не встречали меня в постели с Хэ, так что винил я скорее самого себя. За слабость перед юбкой, за эгоизм... а может и за надежду, которой всё ещё грезил сам.

Даже за мысли, что Смерть принёс магию в мой мир, а значит может быть сильнее

брата.

И уж точно сильнее меня.

Мысли о том, что он может спасти Ростикку жизнь... пускай бы даже ценою моей.

В душевой всё ещё смывала наши соки голая Хэ, а потому в голову то и дело просачивались мыслишки повторить со снохой то, что в первый раз сделал на эмоциях.

Я вновь посмотрел на брата, всегда рефлекторно улыбавшегося отдалённо знакомым ему лицам и невольно нахмурился.

— Нет... уж точно не так.

Я не смог представить брата, с улыбкой смотрящего на наши сплетённые с Хэ тела и сквозь жжение в штанах, всё же заставил себя уснуть.

По утру маслянистый аромат раздражил нос даже через сон.

Рука слегка покалывала, но запаха женщины под мышкой решительно не хватало. Приподнявшись в кровати, я рефлекторно потянулся за пачкой сигарет, но не найдя желаемого, лишь протёр лицо от тревожного сна.

— Хэ!

Никто не отвечал, а с кухни раздавался лишь звон посуды. Зачесав волосы раскрытой пятернёй, я натянул штаны и расшаркав ногами, неуверенно побрёл на звук.

— Давай, милый... вот так.

Подтерев пролитые капли с бесчувственных губ, Хэджон усадила мужа к столу и подвязала за плечи ремешком.

— Доброе утро...

Рука скользнула по девичьему бедру, но Хэ лишь брезгливо отмахнулась.

— Своё ты уж получил, Рой... а теперь проваливай из моего дома. Не порти аппетит...

Не став спорить, я похлопал Ростика по плечу и проводив хозяйку взглядом, поднялся на крышу.

Хоть Хэ и выдали замуж в тринадцать лет, избавив смазливую нищенку от продажи в бордель, по факту все пятнадцать лет её мужем был именно я, а не брат. И всё же, к удивлению, сложившийся счастливым, брак не вырвать из женщины даже лаской и деньгами... пускай и длился он всего от силы год.

Зябкий ветер сдувал с волос остатки вчерашней штукатурки, но стоило подумать, как солнце на мгновение погасло, а на зов владыки, с оглушающим рёвом приземлился Нагильфар.

— Мой мальчик...

Стоило протянуть к нему руку, как размах чёрных крыльев тотчас перекрыл небо. Словно дикий необузданный зверь, не сломленный, но подвязанный на цепь, мой ужас ночи выдал такой гортанный рокот из чешуйчатой груди, что едва не снёс шифер потоком извергаемой маны.

— Да ты что!?

Глаза вспыхнули с ласковым жжением бурлящей силы, как и впредь, заткнув громадную пасть силой бурой кутерьмы.

— Ну как? Хочешь продолжить?

В очередной раз поперхнувшись маной жалкой букашки, посмевавшей оседлать дракона, серебристая змеиная шея покорно спустилась к моим ногам, примиряюще сложив и крылья. В глаза сразу же ударило восходящее солнце, но даже так Наг поглощал рассветные лучи своей бездонно чёрной чешуёй.

— Так-то...!

Я похлопал его по голове, превосходившей меня в размере чуть ли не в три раза.

— Не дорос ещё меня сожрать...

Впитанные тумачи немного отошли на задний план, когда у моих ног растелился один из нескольких легендарных змеев, приласкав мою самооценку сердитым, но покорным рыком и горячим паром из ноздрей.

— Потерпи...

Хоть размахом крыльев Нагильфар и застилал солнце на полный оборот головы, но в чём-то был похож на домашнего пса.

— Прокатимся, Наг?

Дракон с энтузиазмом фыркнул пламенем прямиком по моим ногам, но я, сквозь боль улыбнулся и не подал виду, уже по опыту прикрывая тело толстым слоем маны.

Специально ведь, собака...

Вскочив на горбатую спину в заготовленное сидение, я медленно коснулся горячей, чёрно-серебристой чешуи и впустил в него сквозь пальцы тонике потоки бурой кутерьмы.

— Вот так, мальчик, вот так...

Всё же, лучше слить излишки горячего секрета не на крыши города, а в уже давно выжженные горы.

— Мы ещё зажжём этот день.

Уши заложило в тот же миг. Слившись с родственной душой, глаза полыхнули бурым пламенем, и мы с рёвом взмыли к солнцу, затмив его золото безумством серебра.

— Следующий!

Бездушный сканер с дизайном старой карги ворчливо поправил пенсне и сквозь губу поставил парню ту самую «метку».

— Следующий!

И так по новой. Раз за разом.

Комиссия столицы в очередной раз проводила смотр со своей «гуманитарной программой», подчищая ряды «скотины», что пользовались благами, предназначенными только для «людей».

Всё же, империи строго нужны были госрабы, а где ещё искать их, как не среди голытьбы? Впрочем, в сознании ещё жили отголоски такой штуки, как права, а потому главной чертой гражданства стала мана.

Заменяв собою, в прочем, и статус человека, как такового.

— Следующий!

Спустя бесчисленные толпы моей «скотины», послали уже за мной. Пускай я спустился напрямик с небес на легендарном чуде, бюрократический механизм всё равно требовал проверки.

— Ваша светлость...

Тучная тётка растянулась в подобострастной улыбке, прекрасная зная, чем всё кончиться с самого начала, но всё равно с упоением чмырящая мой сброд.

— Ну давай, женщина... проверь.

Я подкатил рубашку и протянул ей лишь запястье, чтобы не сжечь к чертям её никчёмные фибры.

— Может уже и мне пришло время взяться за мотыгу?

Её глаза на мгновение покрылись по истине красивым заревом витиеватой, я бы сказал, утончённой магии, но спустя мгновение она вновь потеряла сознание.

— Как всегда...

Откатив рукава на место, я махнул парням из очереди и те быстро унесли этот надменный кусок сала.

— Думаю, мы здесь закончили. Или вам ещё мало?

Мне не нужно было оборачиваться, чтобы понять, кто подошёл со спины.

— Вы правы, ваша светлость. Норму ваша община прошла... на этот раз.

Мне подали штатную пачку сигарет и я, не раздумывая, на грани сознания, подцепил одну даже не заметив, как подогнул край вместо фильтра.

— А вы всё не изменяете своим привычкам? Курение убивает...

Прожжённый аристократ, выбивший место под солнцем за самую грязную работу, лишь сдержанно хмыкнул и, словно ожидая этого, ловко отбросил крышку зажигалки с фамильным гербом.

— И вам доброго здоровья, комиссар. Буду рад посмотреть с вами, кто окажется на том свете быстрее...

Я огрызнулся без злобы и прильнул к зажигалке.

— Весь этот сброд...

Чиновничья гнида умело воспользовалась секундной паузой и съехала с темы.

— И на всех хватает! Поразительно...

Впрочем, сейчас дрянная система играла мне на руку. Благо император оказался очень «благодарным» вложением и подкрутил колёсики своей огромной машины, так что теперь «меченые винтики» не сторали в шахтах за свой врождённый «недуг», а делили ману на «общак».

— Признаться честно, я вас даже побаиваюсь, Рой. Сколько поголовье? Триста? Четыреста тысяч?

— Всего-то три миллиона.

По лицу комиссара было видно, что он всё знал даже лучше моего, но всё равно язвил. Скорее уж от беспомощности, ведь одного меня хватало, чтобы перекрыть усреднённый минимум для всей «меченой» общины. Ещё и с запасом.

— Не могу передать, как мне жаль вашего старшего брата, сир, но такой объём маны требует здоровья, как у...

Как на зло из груди прорвался болезненный хрип.

— Впрочем не важно...

Ехидно хмыкнув, алчная до моих людей, столичная крыса протянула мне руку в чёрной кожаной перчатке.

— Работайте на славу, Ваша Светлость...

Вся столичная бригада уже оперативно выгрузила имперские дары и попрыгала в свои маналёты, украдкой пряча носы от промышленной вони моих угодий за широкими воротниками беленьких кафтанов.

— Что же, сегодня я пришёл отнюдь не за этим, так что не стоит «бить посуду» между нами. Мы ещё не обсуждали этого лично, но слышал, вам по нраву девочки в соку...

Комиссар прищурил глаза и поняв ошибку, стянул с кисти перчатку.

— Я был бы рад увидеть свою Сьюзи в ваших покоях, как можно скорее. Раньше вы противились, но ей уже тринадцать. Помолвку освятил сам император, так что пора бы вам задуматься о ночёвке в собственном доме...

Я не спешил отвечать, выпуская сквозь зубы лишь густые клубки сигаретного дыма и с трудом сдерживаясь, чтобы не замечать его намёки на Хэджон и нашу подозрительную «близость».

— Всё же, забота о брате отнимает много сил и времени.

Разумеется, комиссар не произнёс её имени вслух, но зубы скрипели сами собой, вынуждая прятать скрежет за плевком курильщика.

— На надменных баб времени всегда не хватает, а вот юные девчущки послушны и горячи... главное правильно воспитать.

Наконец я не удержался и крепко схватил его протянутую ладонь.

— Я не бью посуду, сир... лишь по столу и крышке гроба.

Со всей силы стиснув пятерню, мне с трудом удалось удержать ярость бурой кутерьмы, едва не испепелив побледневшую ману комиссара.

— Девчонки горячи на столе, так что не ударишь, но если вам будет угодно, то присылайте Сьюзи.

Я прекрасно понимал, что его дочка лишь предлог, чтобы подослать ко мне и, приставленную к ней, отцовскую сволочь. Шпионаж, шантаж, диверсии...

Я бы даже не удивился, отрави он внука или саму дочь... подставить меня всё равно дороже.

— Думаю, с таким мудрым и «заботливым» отцовским «воспитанием» она вдвойне насладиться «звёздным небом», пока я постучу по гробу.

В уме же само собой подсчиталось, сколько фургонов серебра отсыпали бы за три-то миллиона душ, а от того в глазах даже полыхнул угрожающий огонёк.

— Надеюсь, мы поняли друг друга...

Я отпустил его руку, и комиссар спешно зашагал прочь от будущего зятя. Пускай мне всего раз доводилось видеть будущую супругу, ставшую для меня официальной лазейкой в высший свет, но даже этого хватило, чтобы её уважать.

А ведь юная леди всего то сама лично, не смотря на статус, отстирывала платье после папиных...

Я с отвращением сплюнул комиссару вслед.

— И повезло же с семейкой...

Тем временем благодарная публика вновь окружила своего «миссию» и соскребя добровольных пожертвований, поднесла традиционный дар из полного кисета и флакона ладанных духов.

— Всяко лучше челобитий...

Затянувшись ароматом, я вскочил на спину ревнивого напарника, уже дышавшего огоньком в сторону людишек, и взмыл к облакам, разрезая небо сизым шлейфом кутерьмы.

Смушение и гнев копились с самого утра или даже с ночи, но в одночасье испарились от жара извергнутого пламени и мертвецки бледных лиц моих пареньков, заранее собранных Совестью.

— Повелеваю!

Магия усилила голос, а с рокотом серебряного исполина создавала ощущение, словно громом и огненным дождём вещало само почерневшее небо.

— Встать!

Те, кто не упал в обморок, тотчас подскочили, чем хоть немного уняли стоны моей ущемлённой гордости.

Я похлопал напарника и быстро спустился по его склонившейся шее.

— Как ребёнок, ей богу...

Совесть с привычной дерзостью ухмыльнулся и подал мне руку, на что не смел ворчать даже Нагильфар, однозначно верный только мне. А для человека без маны...

Я крепко схватил протянутую мне пятерню и более всего ценя брата именно в такие моменты, сел на отодвинутый для меня стул во главе стола.

— Вижу, у нас есть и новые лица?

В каком-то смысле это шутка никогда не выходила из моды, а от того несколько парнишек в голос посмеялись.

— Что же. Рад, что ты здесь.

Я кивнул юбилейному парнишке, а тот лишь поправил очки и неуверенно поёрзал на стуле.

— Ладно. Работу на наше общее дело тебе дадут потом. Евгенич, будь добр и передай нашему новому брату «стандартный пакет».

Совесть уже подготовил всё на славу и лишь подтолкнул бумаги к парнишке-торгашу.

— Здесь всё. Технологии, искусство, имена... в общем, ты мальчик умный, так что разберёшься, как с этим управиться. Мне же важно, чтобы мы...

Я окинул собравшихся взглядом и показательно развёл руками.

— Могли на тебя положиться. В бумагах всё лучшее из наших миров, чтобы ты мог не волноваться о деньгах, так что, если вдруг у тебя появятся стоящие аналоги, то будь добр. Не забудь поделиться.

Глаза Владимировича поползли на лоб, но он быстро спохватился и стиснув бумаги, утвердительно кивнул.

— А теперь к главному. Сколько миров мы уже потеряли?

Все потупили глаза.

— Уже три.

По грустным лицам пареньков из сотого и семьдесят первого, я сразу понял, о каких параллелях, очень близких к ним, шла речь.

— Я, так понимаю, наша теория была верна?

Никто не решался подать голос, так что сидящий справа от меня Евгенич вновь вздохнул и взял слово.

— Да. Смерть пожирает самые быстрые миры. Хоть проверить это и сложно, но раз это уже не впервые, то стоит взять за основу версию, что его параллель замерла и теперь он вытягивает жизнь из других. Зачем точно до сих пор неизвестно...

Совесть протянул мне листок, на котором был текст не для остальных.

— И я думаю, что раз ваш мир стал первым, то именно поэтому в нём и появилась магия.

— А вся мана...

Я покосился на мирно дремавшего Нагильфара и вернул Евгеничу листок.

— Это высосанная жизнь из других миров...

Он быстро черкнул ответ.

— Да.

Больше сидеть мне здесь было не зачем. Всё что волновало, я уже узнал.

— Спасибо за присутствие, братья. Думаю, все наши административные дела и банковские отчёты вы уладите под руководством Совести, а сейчас...

Я пристально посмотрел на новичка, жадно сжимавшего заветные бумажки.

— Ты пойдёшь со мной.

Бедолага аж посерел, стоило Нагу заспанно фыркнуть рядом с его пятками, куда в панике сбежала и душа.

— Не волнуйся за бумажки, парниша... у Совести на то и кличка. Не украдёт...

Я всучил папку брату и быстро вскарабкался на верную спину, затащив наверх в сизой дымке и нерадивого новобранца.

— А теперь смотри не обосрись!

Я со всех сил натянул улыбку и громко засмеялся, сквозь клубы огня прорвавшись к сизо-бурым небесам.

Кончик её языка обжигал холодком влажных касаний, балуя нервы чувственных вершин, а губы мягко скользили по естеству, словно привораживая гипнотическим тактом ещё колыхавшихся волос.

И всё же, как бы не было гадко на душе, с этим теплом и контрастным холодком не смог бы поспорить не один мужчина. Кулаки непроизвольно разжались, а мысли и тревоги сразу растворились на нежных розовых устах, то и дело с искренним азартом игравших с возбуждённой целью её ловких оборотов языка.

— Ну правда, солнце... даже так не отвертишься.

Ещё немного поигравшись, девчонка устало проскользила по моему животу и недовольно насупив носик, умастилась у меня на плече.

— Хватит, милый... дай отдохнуть. Месяц не виделись, а ты...

Лера легонько стукнула меня по груди, но в теле и правда растекалась лёгкость от опытных рук и языка, да и под ярким звёздным небом совершенно не хотелось душнить.

— Хорошо...

Я прижал свою малышку к груди и замолчал, греясь с любимой под шкурой того самого медведя и вглядывался в звёзды.

— Тебя и правда так сильно смущает, что я твой двойник?

Спросила она строго, но с ноткой грусти.

— Или вовсе клон?

Видимо, это можно было скрыть от меня, но Лера чувствовала даже слабое напряжение в моих руках, стоило отмахнуться от желания высказать всё, как на духу. Пускай и ради неё.

— Просто...

Я не знал, что ответить.

— А ты жесток...

Обижено фыркнув, девчонка отвернулась от меня и демонстративно умолкла, требуя за прощение как минимум лисицу на новый воротник.

— Всё же, это как-то неправильно... почти как с сестрой.

Мы путешествовали уже далеко не по одному из миров, повидали вместе и горе, и жаркие пляжи с укромными кабинками для всевозможных «фантазий».

Сливались с милой в экстазе не один десяток раз, но...

Не думал, что слово «самолюбие», когда ни будь заиграет для меня совсем другими красками.

— Мы проверили уже семь раз... не знаю, как это возможно, но тепловые сигнатуры не могут врать. Не говоря уже про ДНК...

Лера продолжала молчать. Мирный треск костра нашей маленькой халупки, согревал, не смотря на стужу, от которой мир за шкурками тонких стен казался даже чернее, чем была способна подарить ему ночь.

Словно замерзал под пледом из собственного снега.

А от того чернело и на душе, но, как бы не уговаривал, а Лера всё равно раз за разом просила вернуть её в оцепеневший мир из снега и льда.

— Мне казалось, что ты первая бросишь меня, узнав об этом. Приятно ошибиться...

Я повернулся на бок и приобнял Леру за плечи, но она лишь обиженно поёжилась.

— Мне казалось, что это наша судьба, но... сколько бы мы не прыгали, всё время натыкались на моих двойников. Так же было и с тобой, но мне не хотелось верить, что ты...

— А вот и не надо было проверять...

Независимая волчица сердито сбросила мою руку и голой выскочила в снег, а я поспешил следом, быстро запахнув её плечи в наши меха, спрятав от зимней кутерьмы.

— Мы ведь женаты, Рой...

Проблеяла она совсем жалостливо, но потом вновь поёжилась от леденящего ветерка.

— Миры... двойники... магия... какая уже к чёрту разница?

— Но...

— Да будь хоть братом!

Пускай для брака здесь был нужен лишь обряд всего на пару слов, мне стало ещё более неловко, а Лера сорвалась на крик.

— Ты просто мой...

Чувствуя мою нерешительность, любимая замолчала, так и простояв ещё несколько минут, пока весь жар костра, пропитавший шкуру, окончательно не сошёл на нет.

— Судьба то или нет...

Наконец, Лера подала голос, и явно сдерживая слёзы, повернулась ко мне,

— Я просто хочу своего мужа...

Моя любовь дрожала, но уже всё для себя решила, вновь прижавшись ко мне и поцеловав.

Один раз... а потом и ещё, ну а я уже просто не посмел попать её любовь излишней болтовнёй. Просто осознал, что все эти мгновения мне дороже любой совести или морализма.

Пускай бы и назвал всё это «онанизмом два точка ноль».

Хоть характер и подражал нерешительной тряпке, но вот разгорячённое тело могло лишь обвить руками желанную талию, и несмотря на все метания, погрузить нас в самые тёплые моменты студёного мирка.

Спустя какое-то время я стал засыпать, залюбовавшись тихо посапывавшим личиком у меня на плече, но стоило слипнуться векам, как Лера шмыгнула носом и заискивающе подняла глазки.

— Помнишь, я говорила, что уже встречала колдуна...?

Я с трудом приоткрыл один глаз и глубоко вдохнул.

— Не назвал бы это упоминание развёрнутым рассказом.

— Ну прости уж. Боялась.

— Ты-то? Не смейся.

Я чмокнул её в затылок, но она лишь стала ковырять меня пальчиком в бок.

— Вот я глупая... надеялась, что хоть приревнуешь.

— А стоило бы?

Любимая состроила мордочку и хищно прищутив глазки, ущипнула меня за щеку.

— Ну... кто знает. Яблоки могут быть и по слаще...

— Что, он был настолько хорош?

Лера не удержалась и засмеявшись, притянула меня к губам.

— Может быть... вы даже немного похожи. Мне было всего лет пять, так что не помню ничего, кроме его запаха.

Любимая ещё крепче прижалась и с упоением затаилась ароматом моей кожи.

— Яблоки... он присылал мне их на день рождения каждый год, так что я точно не спутаю ни с чем. Хотя лучшим подарком было бы показись он сам мне хотя бы раз. Может это был твой отец?

Не смотря на все показанные миры, моя избранница всё ещё вертела кокетливым хвостиком, то и дело заставляя усомниться, верит ли она в них или просто считает всё яблочной магией.

— Ну да! Каза а Стан ведь большой. Вышел за хлебом и пропал на двадцать лет!

Лера не прекращала смеяться, разбудив даже караулившего у входа пса, просунувшего свой пушистый носик в густую теплоту натопленной халупки.

— А знаешь, милый... давай я тебе кое-что покажу.

Лера решительно присела и небрежно прикрывшись мехом, не дала мне подняться вслед за ней, опустив ладошками обратно на лежанку.

— погоди. Не рыпайся.

Она сосредоточенно опустила руки мне на грудь и закрыла глаза.

— Чёрт!

Спустя минуту сосредоточенных усилий, её нахмуренный лобик вновь разгладился с раздражённым вскриком.

— Не выходит...

А вот удар кулачком пришёлся разумеется по мне.

— Говорю же, сказки всё это! Только опозорилась...

Утомлённая за ночь, по-хорошему дикой, самоотдачей, моя милая охотница игриво фыркнула и уже была готова вновь опуститься ко мне под одеялко, но я придержал её руки у себя на груди.

— Попробуй ещё, солнце... уж я-то точно верю, что у тебя всё получится.

Скептически насупив носик и всё ещё обижаясь на мою нерешительность взять, как ей казалось, плававшую женщину, Лера всё же не стала спорить. Громко выдохнула и закрыв глаза, свела в кучку свои напряжённые бровки.

И тогда случилось чудо...

— Вот так всё и было, моя госпожа.

Подытожил я рассказ, пригубил сваренный для меня чай и улыбнулся.

— Вау...!

За рассказом Сьюзи даже забыла про напитки и лишь восторженно сплеснула в ладоши, но тотчас стыдливо прикрылась веером.

— Спасибо уж вам на добро слове, миледи.

Всё же, не смотря на жизнь, полную этикета и наук, на меня с нескрываемым восторгом смотрела простая девчушка, с упоением поглощавшая историю, словно совсем не детский роман, но разыгранный специально для неё.

— Рад, что вам понравилась история. Всё же, я не лучший рассказчик.

Пуškai и самые приятные моменты я учтиво опускал, вспоминая их, скорее, только для себя, мне было отрадно присесть на благодарные уши. Всё же, такое случалось редко...

— Право я не думал, что девушкам милы рассказы про любовь давно минувших дней. Уж точно не от их супругов.

Хотя именно для этого её ко мне и прислали, изрядно науськав перед отъездом из отцовского гнезда. Если и не для страшных тайн, то хотя бы для вынюхивания таких историй. Для сплетен сгодиться может всё... стоит только вбросить их за нужным столом.

— А то, Ваша Светлость! Ещё как!

Её глазки на мгновение вспыхнули, но потом вновь приобрели натренированное выражение эмпатии и покорности.

— Поверьте, слушать вас куда интереснее, чем...

Поражаясь стойкой жизнерадостности этой крохи, я всё же понял, о чём она совсем не хотела вспоминать.

— На самом деле мне и правда не мило, что в вашем сердце есть другая, и гложет зависть, но я не дурочка, Ваша Светлость... понимаю, что ради меня вы опустили много подробностей, на которые я и правда пока что не способна.

Девчонка стыдливо прикрыла глазки веером и стала куда сильнее обмахивать им свои покрасневшие ушки. Впрочем, чему я удивляюсь? В её кругу все девчонки отлично знали с самого детства, как работать своим самым «ценным товаром» и как делаются наследники.

А в её-то случае почти что заставляли приобщаться к практике.

— Но готова учиться...

Добавила она совсем тихо, сгорая от румянца, но я сделал вид, что не расслышал.

— Что же, миледи, вынужден раскланяться, а вы располагайтесь. Чувствуйте себя как дома.

— Теперь это и есть мой дом.

Сьюзи по-доброму усмехнулась и по-хозяйски откинула ручкой волосы.

— Точно...

Я улыбнулся.

— Может у нас и грязно, но чисто в душе. Надеюсь, вам понравится.

Я впустил в комнату нескольких сироток, мобилизованных и поставленных под горничный чепчик.

— За сим откланяюсь.

— А как же конец истории!?

Окликнула меня супруга, аж подскочив со стульчика.

— Ах, это...

Я подошёл к миленькой девчужке и, словно фокусник, вынул из-за её покрасневшего ушка маленький сизо-бурый шарик.

— Вот так вот Лера и вынула его из меня. Ругалась, как сапожник, но такой счастливой я её ещё не видел.

Мне сильно хотелось улыбаться, глядя в удивлённые зелёные глазки, а от того я просто вложил шарик моей маны в маленькую ладошку и не стал упоминать, что такой же есть и у Совести.

— Теперь он твой... «любовь моя».

Сьюзи едва хватало сил, чтобы не отводить смущённый взгляд, а я лишь потрепал её по волосам, заставив тотчас сердито насупиться.

— Пускай его научил вынимать другой колдун, но именно этот шарик помогал нам всегда находить друг друга... будь мы даже в иных мирах. Так что береги его, Сьюзи... и я обязательно приду.

Девчонка с трепетом прижала шарик к груди, и он тотчас впитался в её слабенький поток розовой маны.

— Буду ждать... Ваша Светлость.

Наконец найдя силы улыбнуться, жёнушка поклонилась супругу в пол, когда за мной уже захлопывалась дверь. Хотя я и догадывался, что она попытается устроить мне к вечеру, ещё задолго готовясь к такому знаменательному дню, но всё равно решил не испытывать судьбу и не портить мой образ рыцаря поспешной консумацией.

— Для этого у нас ещё много времени...

За порогом же комнаты, страшно ёрзая на стуле, меня уже дожидался Владимирович.

— Ну зачем я вам, мистер?

Заблеял он в нерешительности.

— Прошу, верните домой... обещаю, что ничего не утаю.

Уж не знаю какую жизнь прожил парнишка в трёхсотом, но бледнел он всё сильнее.

— Попервой так всегда...

Я закурил и протянул пачку парнишке, не став, впрочем, вспоминать, как впервые выглядел сам.

— Семьдесят второй умер, Руслан Владимирович. Целый мир, понимаешь?

Почему-то всегда казалось, что каким бы не был мир, мне удалось бы себя понять. Простить и довериться без лишних слов, так что и в этот раз сказал парнишке всё, как на духу, лишь слегка сжав его плечо.

— Я не думаю, что для нас целый мир ничего не значит...

С трудом уняв волнение и спрятав очки, Владимирович трясущейся рукой поднёс сигарету к моему огоньку и всё-таки кивнул.

— Хорошо... тебе будет полезно.

Всё же, ощущать себя героем — это самый сладкий наркотик и лекарство от трусости.

— Как и мне...

Так и не решив, кто из нас нуждался в геройстве для храбрости, а кто для подпитки гордости, я щёлкнул пальцами.

В глаза бросился лишь тусклый сизый свет.

— Где мы?

— В семьдесят втором.

Вокруг была полнейшая тьма, разгоняемая лишь призрачным мерцанием сизой кутерьмы, словно иней облепившей ледяные фигурки домов и замерших людей.

— А почему так темно?

— А сам подумай, парнишь.

Из моих стоп стремительно сочилась мана, в мёртвом мире утекая быстрее, чем хотелось бы, но уж лучше так, чем беспроглядный мрак, а на такой вопрос я мог ответить и без физика в штате.

— Раз мир замер, то как свет попадёт тебе на сетчатку? Он ведь тоже замер... каким бы быстрым не был.

— Логично...

Парниша поправил очки и, казалось, даже перестал дрожать, обдумывая не самую интуитивную идею.

— То та... главное хоть иногда читать что-то кроме твоих заморских комиксов.

Владимирович посмотрел на меня, как на дурачка, но тут же посерел, стоило мне на мгновение присесть и нарочно пропасть у него из виду.

— Всё, что ты видишь, это моя мана, так что не отставай.

И всё же ради гордости тут был я...

— Не хочу оставлять тебя здесь на «консервацию».

Владимирович лишь возмущённо хмыкнул и поправил очки.

— Моё вы «солнышко»...

Вот теперь-то я себя узнал и одобрительно кивнул, в последний момент увернувшись от дорожного столба.

— А что не так с этой машиной?

Я в последний момент остановил его руку от витающего в воздухе полупрозрачного, призрачного скопления фракталов, игравшего лишь рваными цветами на половину поглощённого седана.

— Поверь, парнишь... объяснить сложнее чем кажется. Пока просто прими то, что не стоит играть с фундаментом вселенной. Она такого не любит...

Мир уже начинал исчезать. Его энергия испарялась и ничего не сдерживало время, что смешивалось само с собой, накладываясь в бедном пространстве, словно башенка из домино. Прошлое, будущее... всё одно и сразу всё.

Или точнее всегда...

А скоро и вовсе растворится без следа.

Я дёрнул парнишку за рукав и потянул подальше от чудес за гранью чьего бы то ни было ума.

— Пойдём... если хочешь помочь, то не отвлекайся. Пусть уж лучше эта машина войдёт лишь в список городских легенд, чем сам мир войдёт в легенды, если мы опоздаем.

Спустя пару минут я распахнул дверь любимого стрип-клуба, в чьи прелести любили углубиться по выходным все мои пареньки. Разумеется, кроме Совести.

— И что мы ищем? Ещё и в таком месте?

Уже перестав сжимать мою ладонь, как беззащитный детсадовец, спросил Владимирovich и вновь поправил очки, с интересом озираясь во все стороны.

— Точнее уж кого...

Благо объяснять долго не пришлось.

— Знакомься, «Молодой»... это семьдесят первый.

Перед нами стояла сизая, мерцающая голубыми огоньками, статуя, застывшая с гримасой ужаса.

— «Альфонс»...

В груди вновь начинало жечь, а в глазах промелькнула бурая струйка.

— Прикрой уши...

Сказал я «Молодому» и не оборачиваясь, прикоснулся к брату.

— А-а-а-а!

Барабанные перепонки чуть не лопнули от замершего крика, но я тут же обхватил лицо Альфонса руками и прижал его лоб к своему.

— Это я, брат, это я!

— Р... Рой...?

В его глазах читалось недоверие, но вдохнув знакомой сизой дымки, Альф пришёл в себя и кивнул.

— Он был здесь, Рой... Смерть.

— Твои девочки смогли что-то у него узнать?

Глаза парнишки вдруг наполнились тоской и уставились нам под ноги, где лежала девчушка с дырой в груди.

— Она узнала, что его сердце не при нём. Что дуракам его не украсть... ведь оно у всех на виду.

Хоть и с трудом, но в девчонке я узнал любимицу и от того самому стало горько от потери.

— Конечно, она говорила всего лишь о любовной чепухе, но... её сердце он точно украл.

Понятнее не стало, но уже было над чем подумать. Однако мана стала всё сильнее багроветь, а её струйки иссыхать, словно медленно испаряющаяся влага после лёгкого дождя.

— Прости, брат, но ты знаешь протокол...

На мгновение в глазах Альфа промелькнула тень отчаяния, но сразу угасла, и он сдержано кивнул.

— Да... да возродиться из нас мир.

Дрожащим голосом попрощавшись, Альфа сквозь силу улыбнулся и окончательно замер, оторвавшись от живительной маны. Силы, украденной из его мира в том числе...

— Прощай... брат.

Я так и не нашёл в себе сил сказать ему о фракталах, уже заполонивших его коридор.

— Пойдём, Молодой... пусть Альфа хоть немного отдохнёт от баб.

Я попытался отшутиться, быстро выйдя из злачного двора моего парнишки, но во рту всё равно кровило от со злобой закушенной губы.

— Я проиграл этот мир...

Винить себя оказалось легче, чем я думал.

Хотелось бы сказать, что проиграли мы все, а не кто-то один. Не брать вину на себя...

Как бы хотелось... но не выходило.

Ведь это было бы не правдой.

Бутылка кончилась быстро.

Спёртый воздух комнаты вызывал позывы выблевать себе же на штаны, но сил не было даже на это.

— А почему бы Альфу просто не забрать?

«Молодой» в моей голове раз за разом задавал этот вопрос, а я тщетно пытался убежать от ответа.

— Забрать...

Было бы слишком хорошо, а потому и не было правдой. В иных мирах меня питала мана, но вот парнишек лишь их миры. Выкачай их жизнь или душу у парней, как спасения уже не будет. Пусть даже я посадил бы их на ману, как торчков. Не более, чем зомби с мёртвым взглядом за сизой пеленой... чем Смерть не брезговал пользоваться множество раз.

— И вот как такое объяснить?

Молодой же мне ожидаемо не поверил и едва не посеял смуту в зале с остальными, пока Совесть не вернул его домой. Всё же, только с ним я и мог поделиться таким даром сизой кутерьмы.

С трудом перевернувшись в незнакомой постели, я обнял какую-то девчонку, не особо разбирая таких мелочей, как женский возраст и имена. И всё же, ухватив её за прелести и прижав к груди, мне удалось лишь тревожно задремать.

Сумбурно и скомкано. Болезненно и одиноко...

Мир был мертвецки серым, словно смазанные текстуры.

Раздробленным... разбитым... сломанным.

Не было ничего и, казалось, что ход времени замер, а отмеряли его лишь мои бредовые мысли и сбивчивый ритм сердца. Условную пустоту заполняли только призрачные взвеси, заставившие бы Евклида крутиться в гробу. Уж не знаю от гнева ли или от восторга...

Впрочем, самоподобные множества призрачных масс, отдалённо напоминавших лишь капусту романеско, притягивали сильнее, чем я был способен осознать. Пальцы сами собой коснулись неведомой материи и лишь потоком бурой маны заставили почувствовать её подобие естества.

В тот же миг я очнулся.

Словно от наваждения или сна.

Тряпка бледно жёлтого цвета утирала вековую пыль с комода горного домика, а в руке была сделанная вчера фоторамка с улыбающейся Лерой.

— Не помню этого фото...

В груди колотилось сердце, но в этот раз удалось сбросить всё на подкрадывавшуюся старость. Двадцать пять это вам не шутки...

Поставив рамочку на место, я с тоской посмотрел на дверь.

— Ну почему же ты не приходишь...?

Любимая убежала в горы, загоняя нам сегодняшней ужин, который я умудрился

спалить, пролив заодно и масло себе же на правую руку. Вот только её не было слишком долго и на этот раз сердце защемило уже не на шутку.

Я схватился за грудь и словно обжёгся о собственную плоть.

— Лера...!

Осколочек маны, вплетённый в её душу, неистово горел, а в глазах запекло. Я тотчас выбежал наружу и сердцем чувствовал куда бежать.

Лесные кроны осыпались за воротник, но снег сгорал едва касался пылавшего загривка. Кутерьма стирала ноги в кровь, оставляя лишь проталины и обожжённые грудки. Лес кружил завихрами ледяного ветра, застилая глаза обжигающей пургой, но в груди уже резонировали рёбра.

В голове сложилось два и два. Начало весны и склон под сорок градусов.

— Лавина...

Ноги сами оторвались от земли и не смотря на боль хлеставших веток, через мгновение я уже пролетал над чащей, разрезая мутный заснеженный воздух сизо-бурым шлейфом кутерьмы.

Лишь в последний момент я заметил Леру и зажал в объятиях, а потом нас поглотила ревущая масса взвешенного снега и ударная волна.

Я заорал от разрывавшейся кожи и треска костей, но...

Вокруг снова была лишь незнакомая постель и до чёртиков напуганная девчонка.

В груди щемило. Воздух был тягучим и вязким.

Глаза жгло от нестерпимой боли, но к жизни меня вернул лишь едкий запах гари.

Ещё не понимая, что произошло, я похлопал по кровати, сбив занявшееся пламя от жара бурой маны, и прижавшись к стенке, обхватил голову руками.

— Что... это...!?

Боязливо потянувшись к своей простынке у моих ног, девчонка прикрылась и присев на пол, издали посмотрела мне в глаза.

— Вам приснился кошмар, хозяин?

Спросила она робко, но знакомый голос помог воспалённой голове найти вещечку, за которую можно было зацепиться.

Пускай это был точно не кошмар, а скорее мираж из прошлого, которое помнилось мне совсем не таким, я поднял глаза и огляделся. Вокруг всё так же были мутные стёкла жалкого подобия домика с буржуйкой в уголке и термопакетом в оконной раме «элитного жилья».

— Это... ты...?

Узнать симпатичную девчонку с талантливим ротиком и мелюзгой на шее оказалось не трудно, когда она испуганно, но искренне улыбнулась.

— Да, Ваша Светлость. Вчера вы выпили и пришли ко мне в подаренный вами дом.

Она немного успокоилась и даже покраснела.

— Мальчишки сначала удивились вашей напористости, но я закрыла их в другой комнате, так что вас никто не видел. Ну, точнее, не долго...

Находчивая девчонка, чьего имени я даже не спрашивал, предусмотрительно поднесла мне какой-то порошок и нереально крепкий чай.

— Я постирала вашу одежду и сделала всё, что вы любите. Трижды...

Она намекала на усердный ротик, а потому я не удивился слабому треску в голове и уж точно не ожидал всего лишь лёгкого шума в ушах. И это от двух валявшихся бутылок.

— Прости за грубость...

Я покосился на вышибленную дверь и прожжённый лежак.

— Ничего, Ваша Светлость. У щедрого мужчины даже бьющая рука кажется лёгкой. Не говоря уже про милостивого хозяина...

Уловив привычный алчный намёк, сердце, наконец, угомонилось и кислород с болью попал в лёгкие, до треска за ушами и бликов в глазах, растянув альвеолы густой мазутой трущобного воздуха.

— Я понял... на любовь и не рассчитывал.

Рука не нащупала кошелёк. И всё же, пускай был и не обязан, но имидж не спрашивал, спал ты со шлюхой или чьей-то женой. Лучше заплатить свою цену, чем потом усмирять бунты.

— Прости, кошелёк не брал, но мне нужна секретарь. Думаю, Альфред уже приходил тебя проверять на заразность, так что ты знаешь к кому обратиться.

Девчонка обижено насупилась и бросила в меня штанами.

— Спасибо за милость, хозяин. У меня пятеро братьев, так что я не в праве отказаться, но...

Девочка сжала простыню, но не смотря на смущение подняла на меня добрые, не лгавшие глаза.

— Рассчитывали вы на любовь или нет, но не каждый господин приходит мертвецки пьяным к простой шлюхе с цветком и мячом для детворы.

Она вновь смутилась, но на душе от чего-то потеплело. Руки не были в плену чьих-то чресл и груди, но этими словами девчонка согрела больше, чем в обнимку с просто голой шлюхой.

Я улыбнулся.

— Ну... тогда ты знаешь, что делать.

Я неспешно убрал простынку с ног, а девчонка отпустила соскользнувшую по ней невесомую ткань.

— Заклинание требует разрядки, но...

Я погладил пристроившуюся милашку по щеке и с улыбкой закатил глаза.

— Потом сходим куда ни будь только вдвоём...

Дождавшись её пленительных губ, мне не хотелось возвращаться к боли, но не смотря на влюблённость милашки, я любить мог только ту, что оставил там...

За серой фрактальной пеленой.

В глазах запекло, смешав зрачки в сизо-бурый ураган и словно взбитую яичницу, всё моё сознание выплеснулось на адски горячую сковороду сокрытого прошлого.

Не знаю, как мы выбрались из толщ стискивающего снега, забивавшего и горло, и нос, но рядом уже мирно потрескивал костёр.

— Ле... ра...

Огонь поглощал очень тоскливый взгляд, но даже отблески пламени не скрывали то, как сильно померк свет в её глазах.

— Привет, милый...

Вокруг была непроглядная лесная глушь, воровавшая у оцепеневшего мирка даже солнечный свет. Над головой кружили снежинки, просыпаясь сквозь наспех созданный настил, а под спиной отвратительно кололи сосновые иголки.

И всё же...

Стоило пошевелиться, как я чуть не потерял сознание от боли.

— Лежи спокойно, милый... у тебя слишком много ран.

Единственное, что я понял сквозь шелест переломанных костей, так это то, что милая была на удивление цела. Впрочем, заодно ещё и убедился, что магия ни черта не лечит, когда от неё это нужно...

— Послушай, Рой...

Лера была почти, как не живая. Уголки её рта непривычно осунулись, а лицо казалось мрачнее тучи.

— Спасибо, что спас... без твоего тёплого сердца мне было не выжить.

— Любовь греет...

Я не удержался от улыбки, когда она коснулась моего лица тёплой тряпочкой и стёрла со лба испарину.

— Ты прав... прости, но нам стоит пока притормозить. Нас вытащили меченные, но...

Она едва не заплакала, но утерев наворачнувшиеся слёзы, с каким-то отвращением в глазах закусил губу до крови.

— Прости, но мне нужно побыть дома...

— Твой дом со мной...

— Не в этот раз. Прошу, милый... просто пойми.

Я знал, что она лжёт. Просто чувствовал это той самой жгучей частичкой души, но той же частью понимал, что не стоит спорить.

Лера же мрачно кивнула и не удержав слезы, тихо поцеловала мою изрезанную кисть.

— Я... я люблю тебя... Рой. Просто помни это.

Она щелкнула пальцами, а я оказался на больничной койке с переломами от лавины.

— Вот это точно моё...

Я вновь открыл глаза на «элитное жильё». Нос помнил запах больницы, как будто это было вчера, но дальше просматривать память уже не имело смысла.

Я всё помнил и так.

Вот только у меня никогда не было домика в горах... как и той милой Лериной улыбки на свеженьком фото.

Словно это было не со мной, а с двойником.

— Но как...?

Я посмотрел на девчонку, уже мирно уснувшую у моих ног и строгим взглядом прогнал подглядывавшую мелюзгу.

— Спасибо и за это...

Я поднял милашку на руки и уложил в постель.

— Надеюсь, ты придёшь... я буду ждать.

— Всё готово?

В трубке повисла тишина, но ровно через три секунды на другом конце хрипло прочистили горло.

Я со спокойной душой повесил трубку и включил экран.

— Ребекка, милая, рад тебя слышать.

— А ты знал, что у Светки...

Жёнушка как всегда меня не слушала, но её голос успокаивал, загружая голову типичной ерундой.

— О боже мой! Джуди, вы на связи!?

Новости мелькали и пестрили флагами, иногда сменяясь назойливой рекламой, но вот разыгранный спектакль взбудрил это унылое шоу до пика рейтингов, которые только знали АнГрупп.

— Так точно, Мэри! Китайский посол мира Хван только что был застрелен прямо на пороге белого дома! Группа медиков поспе...

Трансляция прервалась на помехи, разумеется не пустив такие события на широкие экраны, перехватив их ещё на стадии трёхсекундной задержки.

— Милый, ты слушаешь?

Я улыбнулся, переключив канал с вежливыми извинениями за неудобства на передачу о животных.

— Конечно, милая... Светка у тебя ещё модница. Как тут не послушать.

Зарывшись пальцами в мех пушистого кота, я вновь вернулся к девичьей болтовне, которую наконец-то слышал в последний раз. Не думал, что избавлюсь от неё лишь кровавым срывом международного саммита.

— Милый...!

Строго парировала Ребекка сквозь свои чёртовы силиконовые губки, стоившие мне целое состояние. Впрочем, в последний вечер перед мировой войной, развязанной тобой...

Я затянулся накуренным воздухом и жадно облизнулся.

Всё же, это особенное чувство.

— Кстати, как твои ноготочки? Уже сделала маникюр?

Разумеется, больше её никто не слушал. Во вновь же зазвонившем красном телефоне раздался условленный скрипучий кашель, а значит последний сторонник мира точно мёртв.

— Что же...

Положив трубку, я откинулся в кресле и посмотрел на мягкий свет люстры.

— Теперь у китайцев не будет выхода... за такое народ потребует войны. Выбор очевиден.

По комнате медленно прокатился истерический смешок.

— Милый, у тебя всё хорошо?

Встревоженный голос не мог остановить истерический хохот. Я уже не сдерживался и просто заливался смехом, потянувшись к ящичку стола, где укромно лежал старинный кольт.

— Слушай, милый, давай я приеду, и мы всё...

Холодный металл всегда прятался в моём ящике в каждом из миров. Вот и сейчас отлично лёг в руку, а побледневшее лицо по ту сторону видеозвонка исказилось в ужасе,

но... я в последний раз послал девчонке воздушный поцелуй и с пронзительным визгом из смартфона, спустил курок.

Память резко оборвалась, словно зажёванная плёнка. Впрочем, с мозгами на стенке оно и не мудрено. Пальцы всё ещё покалывало от медленно стекавшей в них сизой россыпи огней. Воспоминания парнишки оказалась удивительно открытыми, словно он гордился тем, что учудил.

— Слушай, а как он всё ещё жив?

Вернувшийся Молодой таки решился пойти со мной в сто первый, а теперь с интересом разглядывал процесс изъятия пули из тупой черепушки, нарочно убившей свой собственный мир.

— Ну... не совсем и жив.

Я бережно тянул за пулю тонкими струйками маны, но интерес Молодого, конспектировавшего увиденное, радовал не на шутку. Хоть и заставлял изрядно нервничать, чтобы не сплеховать.

— Скажем так... мозг у нас один, так что повреждённые участки я подключил к своему. Можно сказать, стал его внешним носителем, а мана что-то вроде проводов. Подглядел приём у Смерти.

Парниша задумчиво закивал, а мне всё же, спустя пару часов удалось вынуть пулю и растворить её в облаке сизой кутерьмы. Впрочем, удивляло то, что мир вовсе ещё жив, хоть и повидался со Смертью, а его ход, как и раньше совпадал с моим и мана не иссыхала, как в замерших мирах.

Я перевёл взгляд на Молодого.

— Прости, что втянул тебя во всё это. Я судил по себе. Не хотел рушить твою жизнь.

Парнишка слегка нахмурился и резким хлопком закрыл блокнот.

— Мы все хороши, начальник. Альфа был вашим другом, а я надавил на больное, так что давайте не будем искать виноватых. Быстрее начнём, быстрее закончим. Комиксы сами себя не прочитают.

Молодой попытался улыбнуться, а я утвердительно кивнул.

— Тогда ты знаешь, что делать.

Ещё с вечера дав Молодому указания слушать весь мой диалог со стороны, я залатал череп самострельца сизой кутерьмой и щёлкнул пальцами.

— Вот чёрт... успел-таки.

Едва завидев меня, парнишка выругался, словно пойманный проказник, забрызгавший стены.

— Впрочем, это даже к лучшему.

В прокуренном кабинете дышать было решительно нечем, так что я поднял опущенные ролеты.

— Даже так? Рад что вытащил с того света?

Сто первый лишь хмыкнул и потянулся к напольному глобусу.

— Ещё бы! Я же забыл выпить! Так умирать нельзя...

Из расчерченного шарика показалась на половину раздушенная бутылка виски.

— За экстазом совсем из головы вылетело. Если ты понимаешь о чём я...

Он с ухмылкой постучал по виску, где лишь сизая дымка удерживала вытекавшие мозги.

— Будешь?

Сто первый наполнил бокал, но увидев моего спутника, на секунду смутился... или

даже испугался.

— Вижу у вас новенький? Свежачок...

Вновь вернувшись в норму, Стрелец перевёл похотливый взгляд на Молодого, словно старый зек, подметивший опущенного.

— Бери и ты... за знакомство.

К моему удивлению, Владимирович благоразумно не стал пить, без лишних церемоний вогнав подаренный мною ножик засранцу в кисть.

— А...! Сука!

Без тени сомнений, Молодой надавил на лезвие, а я лишь порадовался, что вовремя с ним помирился.

— Что же, сто первый... теперь поговорим мы.

Я притянул засранца за шиворот и посмотрел в глаза.

— Какого чёрта ты тут творишь? Это на нас не похоже...

Наконец, пелена бравады спала и обезумивший взгляд, уже совсем не похожий на мой, уставился на нас с тихим смешком и скаля окровавленную пасть.

— А ты до сих пор не понял?!

Я улыбнулся ему в ответ и медленной струйкой пролил виски на его проколотую руку.

— Не знаю, что сказал тебе Смерть, но стреляться при живой то дочери... я уже не говорю про мир.

Меня распирало от презрения, так что сдержавшись, смог лишь нравоучительно поцокать языком.

— Ну и папашка... лучше провёл бы с ней выходные.

Сто первый медленно перестал смеяться и скривившись в подобии улыбки, повернул голову на бок, где были глубокие борозды от девичьих ногтей.

— А я и провёл... хах, как в последний раз!

И только тогда я понял, что это был за запах у подозрительного сундука. Звуки рвоты не оставили сомнений. В глазах тотчас вспыхнуло бурое пламя, а руки с яростью вздёрнули эту тварь в воздух.

— Да как!? Как...!?

Ладони уже прожигали его одежду, заставив сумасшедшего разразиться лишь новой волной истошного смеха, косясь на муки новичка, а комнату стремительно заполнила трупная вонь и свора мошек.

— А как думаешь, сколь ты провозился в моих мозгах, а, гений...?

Сквозь скрежет окровавленных зубов, выродок указал сочащейся рукой на мою ману и взглянув прямо в глаза, гнусно усмехнулся.

— Я обыграл тебя «всемогущий Рой»... а всего-то стоило взять на понт. Или ты искренне думал, что мне не доложили про двух, подозрительно похожих на меня, персон?

И только тогда я понял, что сила уже таяла прямо на глазах. Незаметно утекая в чёрное зёрнышко маны Смерти, подсаженной в эту гниду, её уже не оставалось на трюк с откатом времени, а мир был всё ещё жив только ради отвода глаз.

— Героизм — это наркотик... не ты ли говорил это, Рой? Признаться честно, я думал, что мой «спектакль» с этим миром заставит тебя прийти попозже, но ты превзошёл все мои ожидания!

Он с трудом поднял обессиленную руку и причмокнув, слизал с пальцев кровь.

— Ну похвали же меня, начальник... ради такого шоу пришлось даже пораскинуть

мозгами!

От его жуткого и неестественного смеха пробежали мурашки, а мне впервые не удалось выдержать его бездушного взгляда, словно у маньяка на старой станции метро.

— Ущемлённая гордость даже слаще свежачков, Рой... не балуй меня, а то растолстею. Хотя вам уже вряд ли есть куда возвращаться... такова уж цена твоих игр в бога. Всегда найдётся божок и посильнее. Впрочем, какое до этого дело «гению», не так ли?

В груди похолодело несмотря на жар в глазах, ведь я, как последний дурак, попался на свой же наркотик. Удержал самого себя в замирающем мире чтобы хоть немного потешить гордость.

— Кстати, Смерть передавал, что хочет воскресить свою дохлую сучку... но хватит сил и на твою. Разумеется, если ты прекратишь переходить ему дорогу. Для своей-то он может взять в расход и парочку других шлюх... всё же, миров с ещё неотодранной Лерой хватит на всех.

Наконец, паскуда вновь разразилась смехом и сквозь истерический вопль целиком полыхнула всей силой бурой кутерьмы, а мне было мерзко даже прикасаться к его праху, осевшему на обувь.

— Прости, Молодой... всё же, не стоило тебя втягивать.

Стянув ботинки, я с ярость вышвырнул их в портал и захлопнул проклятый сто первый мир.

— Послушайте, Рой...

Как только сизая пелена спала, Молодой опустил руку мне на плечо, не дав разбить кулак о стену.

— Может вам и нужно время, но разве всё это не странно?

Владимирович был чертовски прав и мне нужно было время, но сырая земля под пальцами успокаивала мягкостью травы, так что я опустил руку и прикрыв глаза, кивнул.

— В прошлый раз девочка из бара сказала, что у Смерти нет его сердца. Что оно у вас на виду.

— К чему ты клонишь? Не томи...

— Если «сердце» — это какой-то магический артефакт, то оно точно в вашем мире, Рой. Может это и не так, но если бы я прятал источник силы, то нет места лучше. Я больше не видел парней с магией, кроме вас, так может, сердце спрятали специально? Чтоб слиться с толпой?

Парниша слегка отстранился, заметив моё нежелание слушать нелепицы о братьях, но зерно истины больно укололо в грудь. Несмотря на то, что на источник магии намекал и Евгенич.

— Я новичок и не возьмусь судить, но Совесть упоминал, что магии в вашем мире не было изначально, так почему бы из-за этого ей и не появиться? Убей одного из нас, займи его место, а сердце спрячь у всех на виду. Никто и не заметит подвоха.

Сейчас я был готов поверить во всё, что угодно, но бездушный взгляд сто первого сбивал с мысли, отражаясь от водной глади грязного ручейка. Смогу ли теперь вообще смотреться в зеркало...?

— Для этого мне и нужен свежий комбатант...

Я положил руку парнишке на плечо, уже предвкушая всю боль от заклинания без девичьих ласк.

— Я умею читать не только чьи-то мысли, Молодой. Могу и свои. Вот только в

последнее время в них возникла путаница. Вижу то, что не проживал, а раз такое дело...

Парнишка с энтузиазмом щёлкнул пальцами и с огоньком в глазах, указал на меня пальцем.

— Вот оно. Раз Смерть спрятал сердце у вас под носом, то моя теория ложиться, как родная.

Мне было совсем не до шуток, но Молодой тоже выглядел не лучше, так что сам перебил тошноту и понимающе протянул мне бутылочку с очищенной лимонной водой.

— По крайней мере я уже такое видел... разумеется в кино.

От моего жжения в глазах, парнишка боязливо поёжился, но я уже не мог злиться. Даже после сто первого мирка. В груди пропала ненависть к этим глазам и невинно поднятым бровям, так что я с удовольствием выпил воды и крепко взял его за руку.

— Что же... надеюсь, моё кино будет не таким же дерьмом.

Всё займёт не более пары минут. Я как мог убеждал себя в этом, но с мысли сбивало то, что меня перенесло не домой и даже не к Хэ, а к старому дубу, межевавшему мой промышленный удел.

— Странно... чего это нас сюда занесло?

— Не волнуйтесь по пустякам, начальник и погружайтесь в работу. Найти в вашей памяти подсказку сейчас важнее всего. Хотя я и привык работать языком, но забалтывать клиентов это немного не тот навык, что вам нужен, так что я лучше осмотрюсь.

Молодой усадил меня у дерева и скрылся за холмом, оставив, словно Будду, среди пения птиц.

— Что же... всё лучше, чем ничего.

Продираясь сквозь бесплодные мысли, мельтешившие в голове, я сам не заметил, как ритм сердца стих и неспешно вывел меня под текстуры мира в серый край фрактальных облаков.

Собраться с мыслями было трудно. Палец касался фрагментов раз за разом, но они лишь тускнели, а иногда забрасывали в столь чуждаковатые миры, что всё казалось до жути иллюзорным. Словно я листал заевшую фонотеку с размытым звуком или смазанным концом пресного сюжета.

И всё же, единственное что было в серой массе, так это я. Ни времени... ни жизни... ничего. С трудом удавалось собрать в голове даже слово... не то что мысль.

Раз за разом... снова и снова!

От собственной беспомощности в глазах неожиданно запекло. Бурая мана хлестала в зрачках, стоило вспомнить лицо сто первого, растекалась по рукам и ногам, до скрипа на зубах прожигая кончики пальцев, но...

Такое со мной уже случалось, но только раз.

Не знаю, что вело в этот миг, но руки сами знали, что делать и по воле кутерьмы уткнулись в самый маленький, едва подвластный глазу, фрагмент.

— Нашёл...

Мир вновь пробежал по коже волной мурашек, а потом я очнулся ото сна.

— Да что же... это?

Я лежал в постели, а рядом мирно щёлкали часы, пока подушка пованивала от холодного пота.

Всё, как всегда... уже седьмой десяток лет.

— Опять этот сон...

Брезгливо ударив себя по голове, мне с трудом удалось дотянуться до ванной и смыть с постаревших глаз налёт сновидений, походивших скорее на воспоминания.

Которых я не проживал...

— И всё такое реальное...

Милая как всегда встречала меня улыбкой с пожелтевшего фото. И всё же, в нашем домике оно смотрелось куда милее, чем на мутном стекле умывальника рядом с листками запретных рун. Бессильных каракуль, не способных подчинить даже ману загадочной старушки из видений, искажавшуюся до кровавого кашля, стоило посягнуть на её золотистую живительную мощь.

— А хочешь ли её вернуть...?

Словно читая мысли, на грани сознания, раздался уже знакомый, искажённый, но такой реальный голос, что даже не вызвал страха. Скорее удивление неестественному отблеску в моих глазах. Я потянулся за таблетками, но на мгновение моё отражение в зеркале оскалилось в пугающей улыбке, словно прячась где-то у меня под веком, испарившись в тот же миг, как я моргнул.

— Чёрт...

В голове всё ещё крутились задачки для недорослей, которым нужно вправить мозг, но лекция не станет ждать старика, бредившего даже при взгляде на собственную рожу.

— Стоит завязывать с чертежами.

Проглотив-таки таблетки, притуплявшие голос, и накинув полотенце на голову, я захлопнул дверь.

Галстук давил. Давление от недосыпа не давало шанса смириться с охамевшей чиновничьей молодёжью, а магию не имел права применять даже я.

— Впрочем, может и сжечь одного...?

Я умолк, чтобы унять нервы и развидеть милое лицо, давно уснувшее где-то под толщами льда... чтобы не поверить снам, где всё было не так.

— Всё равно ведь мне уже нечего терять...

Попытка в пиктограммы провалилась, а заклинания всё равно ускользали, стоило применить их на себе. Все, кроме одного...

— Какая жалость...!

Стоило открыть глаза, как меня тотчас прошиб ледяной пот. Я давно привык к вальяжным курильщикам на парах, но на этот раз над сворой молодёжи, словно выхлопы крепких сигарет, растекалась Чёрная, неестественно вьющаяся, словно живая дымка удушающего смога.

Ноги подкосились, а руки колотила такая дрожь, что вслед за мной на пол полетела и кафедра.

— Что такое, старик? Подать таблетки?

На мгновение в груди даже встало сердце, а приоткрытый рот в момент заполнила удушающая масса.

— Но... я же... выпил... не забыл...!

В глазах померк свет. По щекам потекли слёзы, а сдавленный вакуум заполнил всё, что отводилось сердцу.

— Наверное, так даже к лучшему...

Пронеслось в голове, но в тот же миг сердце кольнуло и с жаром сжалось.

— Да неужели?!

В глазах тотчас прояснилось, а руки рефлекторно размазали по лицу кровавые слёзы.

Толпа в классе загалдела, тыкая пальцем на сумасшедшего деда, но не замечая пугающих фигур из тени и смога, заполонивших весь зал.

— Ты прекрасно знаешь, без кого не можешь жить! Но я напомню!

Чёрная дымка, словно продиралась наружу через обессиленное горло, не способное даже закричать, а подавленная боль вонзилась в грудь дымчатой рукой, окунув в ту жизнь, где у неё всё ещё был её единственный свет.

Всё с того самого дня...

— Ну как сидится, колдун? Ручки поостыли? Или снова распускать полезешь?

Девчонка искренне улыбалась и дразнясь мотала ладошкой у лица.

— А ты счастливчик, знал? Вытянул счастливую соломинку. Отец-то хотел отрубить по локоть.

Отрезанный палец страшно щипал от стужи, а маны хватало лишь на то, чтобы удержать его от порчи до возвращения к врачам. И всё же, Лера навещала каждый день, так что у меня даже не было мысли сбежать.

— Поверь, красотка... такую находят раз в жизни. Руки две, а ты одна. Выбор был очевиден.

Даже из ямы был заметен её румянец и лёгкая улыбка.

— Да неужели?

— Отпусти и проверим... я был груб, но ни о чём не жалею. Коль выдастся шанс, то закину на плечо и несую хоть на руках.

Лера язвительно фыркнула, но вместо обычного корма, сбросила в яму верёвку.

— Вылезай, сказочник, и иди домой. Отец и так раздаст мне по первое число, так что беги и не возвращайся. В следующий раз, я не промахнусь...

Девчонка сильно сжала мою руку и вытерла с пореза засохшую кровь от её стрелы.

— И не жалко? Другие девицы отзывались обо мне лестно.

— Уж не красное ты яблочко, колдун...

Рискуя всем, я улучил момент и притянув её за руку, крепко обнял за талию. В бок тотчас упёрся нож, но за неделю в яме я уже простился с жизнью. Распрощался с домом и роднёй, но всё равно без памяти увяз в лучах этого знойного лета в девичьих глазах на пустоши из льда.

Понял, что без них замёрзну даже в столь мифический казахский зной.

Нож медленно качнулся, словно яблонька под сильным ветром ревности заснеженной тайги, и выпал из разжавшихся пальцев охотницы, впервые пойманной в «капкан».

— А теперь беги...

Едва дыша, пунцовая девчонка с неохотой отстранилась от моих губ и взаправду потянулась за стрелой, а я не стал шутить и скрылся в белоснежных мехах боярыни тайги.

Так я впервые встретил ту, к кому, не смотря на угрозы, раз за разом возвращался с корзинками яблок и цветов. Возвращался до тех пор, пока не встретил уже не девочку с упрямым отцом, а мою жену.

По щекам потекли слёзы, а пожелтевшее фото, словно материализовавшееся под носом, лишь ещё больше раздражило душу.

— Верни всё, что у тебя отняли...

— Я... я не...

— Тебе это по силам... и ты знаешь это лучше всех.

Сделка с дьяволом не требовала даже юриста. Ни сотен зачитанных книг и неудачных чертежей заумных пентаграмм. Не требовала ничего, кроме... одного.

— Вернись и спаси её пока всё не повторилось вновь.

Глаза тем временем вернулись в класс, а главное быдло присело на корточки рядом со мной и дав отмашку подхалимке позвонить в скорую, пнул меня по ноге.

— Видимо, у нас выходной, парни! Дедок уже того...

Упершись в моё лицо, словно разрывая изнутри, сгусток смога вырвался изо рта и улизнул за спину, а на ладони уже сочилась кровью та самая запретная руна, нацарапанная в бреду.

— Так скажи же...

Чёрный сгусток прижался ко мне всей удушающей волной и поднял голову на стоявшее передо мной быдло.

— Кого ты не забыл?

Избалованная сволочь ещё пару раз хлётко прошёлся по моим щекам, но дым уже не пугал, наполняя грудь лишь силой давно похороненных воспоминаний. Того, что я не смел забывать...

— Ты сможешь не её вернуть?

Мне не нужно было слов, чтобы по венам растеклась чёрная, до жути раскалённая маслянистая мощь, а в глазах запекло до нестерпимой боли, примилив таблетки со старческой шизой.

— Я терпел вас, мразей, слишком долго!

Заводила истошно заорал, стоило схватить его за рожу и полыхнуть с такой силой, что затлела даже плитка подо мной. Лицо тотчас покрыло кровью из его лопнувших глаз, ударив в нос едкой гарью расплавленной кожи, а мгновением позже растерзав останки в потоках сизой кутерьмы.

— Как и этот мир...

Словно одобрительно кивая, смог окутал меня с ног до головы, а годами копившаяся мана в момент пронзила всё тело, захлестнув зал истошным визгом и сизым пламенем с кусками дымящихся костей.

— Я боялся её вернуть непростительно долго...

Каждый шаг оставлял лишь пылающий след на обуглившейся плитке, а в глазах жгло так неистово и маняще, что я не замечал ничего вокруг. Мазок за мазком. Виток за витком, мана стирала студентиков в пыль жарким шлейфом сизого полымя, а потоки кутерьмы сжигали всё на своём пути, словно пламенем пожара, слизывая с лиц остатки мяса и наполняясь едкой копотью волос.

— Стой, профессор!

Передо мной выбежал директор и пара полицаев, примирительно выставив руки у укрывшись от жара за мерцавшими щитами.

— Давай поговорим...

У меня не осталось сил. Не осталось ничего, кроме хохота.

— Все эти годы...

Все бесконечно долгие годы именно эти паскуды прятали от меня единственное, что было поистине ценным за клочком пожелтевшей бумаги. Словно в клетке из промёрзшей земли.

— Все эти годы от милой улыбки меня отделяли только вы, а теперь разговоры? Нет...

Они прятали самое ценное, что воскресло во мне из снежной могилы под силой пепла и огня.

— Время разговоров прошло, директор. Профессор мёртв...

Впервые в жизни разглядев текстуры под изнанкой, я влил всю силу в запретную руну и испарился в бурой, от сожранной плоти, кутерьме, а вслед за ней, в огне пропал и весь тот лживый мир.

Под руку меня вела только ярость. Давно накипевшая злоба и отчаяние. Ни грусти... ни сожалений. Лишь чистая ярость, пропитавшая даже сизую дымку кутерьмы.

И всё же, я знал, что делать, уткнувшись носом в пустой сереющий мир, сжираемый

призрачными скоплениями фракталов. Я просто знал, куда хотел попасть и кого увидеть на том конце моей тёмной дороги в ад. Впервые за столько лет вспомнил, что решил ещё в той студёной яме и где всё это время жило моё летнее солнце.

Фракталы не смели перечить. Словно поглощая запеканку старой Мэри, бурая мана уже впивалась в нужный кусочек, где слоями мешались пространство и время, но что-то больно кольнуло в груди. Что-то маленькое, но настолько пронизывающее, что в этом мире, где не было ни чувств не мыслей, я смог ощутить даже собственное сердце и тревогу.

— Совесть...!

Не успев осознать, кто смог перебить мою решимость, сизая дымка в последний момент заставила палец упереться в чуждый бурой мане, совсем неприглядный фрагмент.

По телу пронеслась волна мурашек и я тотчас очнулся ото сна. Рука сама собой сжимала грудь, а в голове пронеслось только то, что это не впервой.

Догнать мысль удалось уже в полёте. Отчаянно оторвавшись от земли, я срезал края серых облаков, оставляя позади лишь шлейф из сизой кутерьмы и вырванной земли.

— Только не ты...!

Частичка, на всегда оставленная Евгеничу свербела, как никогда. Крупица Сьюзи лишь мигала на грани сознания, но маячок единственного брата притягивал даже сквозь зарево пожара.

Кожу предусмотрительно прикрывал незримый слой маны, всегда страхующий от заточек и пуль, но сейчас он лишь искрился смольными вспышками сжираемой копоты дымящейся усадьбы.

— Наг!

Громогласный голос разорвал небо, заставив колыхнуться даже пламя, но только не верного друга, чьё пламя на усадьбе я узнал бы и из тысячи. Звать больше не было времени. Удалённо окутав Совесть кутерьмой, я что было мочи упёрся в землю и ударил в ладоши.

Целыми грудями поднятой пыли, почва отрывалась у моих ног, но звук и воздух унеслись вперёд быстрее обожжённой закоксованной земли. Столб пламени на мгновение дрогнул, изящно изогнулся и упав с небес почти до земли, развеялся как дым.

Где-то в дали слышались стоны задетых ударной волной и треск сломанных деревьев, но я уже был на пепелище.

И всё же...

Я уже давно не боялся так, как сейчас... даже глядя в глаза с бездушной синевой. Кутерьма заливала глаза и в одном порыве оторвала бетонную стену, привалившую моего единственно брата... заменившего даже родную плоть и кровь.

— Евгенич!

Измазанный копотью, братишка едва дышал и не отзывался. Под излюбленной рубашкой сочилось мутное пятно, а ноги напоминали скорее кровавое месиво.

— Потерпи, брат, я рядом...

Руки брала дрожь. Перед глазами стояла лишь бездушная надгробная плита и жуткий холод, от которого нет спасения даже десятки лет спустя, а ночуя на могиле, я понимал это как никто.

Вся сила сизой кутерьмы испарила нараставшую злость, а с нею и бурую ману, со всей искренностью влившись в искромсанное тело. Обугленные куски плоти медленно замерцали мириадами огоньков, пока я на глазах вытягивал соки из мира, воскрешая толщи изорванных мышц. Медленно. Очень медленно воедино сплелись и куски раздавленных ног, а главное...

В глазах на мгновение помутилось, и я едва не выронил из рук его уже бездыханной головы.

Главное, что сто четвёртый мир был жив и ещё не успел воззвать к его душе. Нити из бесконечных точек синевы, покрывали всё пространство вокруг нас и с последним вздохом, словно пенку с молока, нежно ухватили душу брата в свой сизый плен.

— А теперь...

На глазах навернулись слёзы, и я не смог удержаться.

— Прошу, брат... открой глаза.

Шанс был всего ничего. Ничтожный, как и безнадежно упущенное время, в издёвку надо мной, состарившее брата на порядок быстрее моего, и всё же... я вытянул из мира столько, сколько смог.

И даже впервые вытянул из себя слова, чтобы помолиться.

— Прошу...!

Густой рассол из слёз и копоты жёг глаза. Стекал по щекам и собирался на кончике носа, обдуваемый холодным ветерком, но брат молчал.

И не дышал.

— Прошу... дай сил...

Я не знал, кому молюсь. Может миру, может богу или духам, а может и вовсе этой чёртовой мане, но вокруг был только треск горящих листьев, осыпавшихся огненным дождём под стоны за углом.

— Дай сил его спасти...

Пепел оседал на голову большими хлопьями опаленной резины и дешёвого пластика, наконец, окончательно придавив голову к ледяному лбу брата.

— Дай... сил...

— Жена... давать будет... плакса.

Едва шевеля губами прошептал мне ветер, ещё не убедив в дарованном чуде.

— Со... весть!?

Медленно отстранившись, я осмотрел его лицо, приобретшее подобие жизни.

— Ну уж точно не твоя жена...

С трудом приподняв руку, Евгенич уронил её мне на грудь сжатым кулаком и отстранился.

— Не дам даже по праздникам, так что не надейся...

Я не удержался. Даже не собирался сдерживаться и просто стиснул его в объятиях, ослеплённо пуча невидящие глаза в густой оседающий смог.

— Ты... жив... живой...

Страх не отпускал, поедая изнутри от одной только мысли, что всё это сон. Такой же реальный, как и под текстурами мирка, но всё же просто сон.

— Твоими молитвами...

Евгенич впервые приобнял меня в ответ.

— Спасибо... давай только в следующий раз встречай с цветами.

Похлопав меня по спине, он отстранился и строго посмотрел в глаза.

— А сейчас, потуши уже, наконец, свой город, милорд... и не забудь про людей.

Только тогда в голове появилось место для чего-то кроме брата. Вокруг и правда было много стонов, а пожар перекидывался всё дальше и дальше.

Я молча вытер с глаз остатки слёз и кивнув, с силой ударил сизым кулаком в землю. Во

все стороны тотчас разлетелись сотни молний с живительной синевой, а вслед за ними приутихли и стоны, сменившись на отдалённый гром.

Дождь смыл с лица остатки копоты и позора за проливаемые слёзы. В голове всё ещё гулял ветер, но поймав губами пару маслянистых капель загремевшей грозы, я смог собраться с мыслью.

— Как остальные?

— Мертвы... все наши, кто был на совете.

Сил на грусть уже просто не было. Я знал, что стоило бы их оплакать, но уже просто не мог. Не мог смотреть на крах всего, построенного годами... как и искать Молодого под грудями обломков.

— Тогда нам пора...

Я подал брату руку.

— Куда?

— Думаю, я нашёл способ выйти на Смерть... а это его расплата за то, что сел ему на хвост.

В дали показалась всклочоченная Сьюзи и новая работница, нашедшая для моей услады в столь мрачный день даже цветастое платье.

— Присмотри за девчонками, Евгенич...

Стоило промолвить, как без маны ноги подкосились и обмякли, а передо мной вновь показали опустевшие текстуры и евклидово чудо мировой изнанки.

— Да что же... это...!?

Сознание расплывалось и терялось в серости вокруг, но от закипавшей злобы, руки с новой яростью полыхнули бурой кутерьмой. С силой развеяв сизый бред и наваждение, уводящий от заветной цели, потоки маны впились в заветную начинку старой Мэри, за которой ждала Лера.

— Меня уже не сбить с пути...!

Отбросив иллюзию картинок не моей жизни, я вновь зажмурился и сжав окровавленную руну, очнулся ото сна. По телу разливалась такая сила, что, словно ветром, подгоняла вперёд, растерзав в клочья весь закатный небосвод, заискрившийся от маны. В зареве молний даже появились ничтожные фракталы, прилипавшие к коже, но стоило испариться кутерьме, как небесная твердь выплеснула вслед за мной нескончаемый поток энергии сгоревшего мира у меня за спиной.

— Я бросил тебе вызов, мир...

Страхнув «антитела» вселенной с рукава, покусывающие «неисправный фрагмент», я испарил их маной и не смотря на сожжённый город подо мной, до хруста в груди затянулся сладким грозovým ароматом, впервые за столько лет расправив плечи.

— Так приди же, и возьми...

Оставив местных в панике разбежаться от явления бога, я поймал на ладонь последний, просочившийся вслед за мной, вселенский фрактал и раздавив его в пыль, щёлкнул пальцами.

Всё тело свело судорогой, стоило в ужасе вновь очнуться ото сна. На пошарпанном потолке виднелись следы поспешно вымытой копоты, ну а рядом на стуле мирно спала Сьюзи.

— Не шевелись. Только добавишь хлопот.

Уняв судорогу в ногах своими тёплыми руками, уставшая Хэ сердито бросила тряпку

мне на лоб и уселась на стульчик рядом с девчонкой.

— Уж не знаю, чем ты задурил малышке голову, но она от тебя не отходила всю ночь.

Хэджон прикрыла Сьюзи простынёй и уложила себе на плечо, а потом непривычно мягко посмотрела на меня.

— Она хорошая девочка, Рой. Не смей обойтись с ней так же, как со всеми...

— Он очнулся?

В комнату спешно вошёл Евгений и отстранив Хэ, посмотрел на меня.

— Это хорошо. Значит моя догадка сработала.

Я не понимал о чём он, но сейчас Совесть выглядел совсем иначе. Даже как-то старше и стройней.

— Отнеси девчонку в постель и не давай выходить, пока я не скажу. И да...

Совесть остановил Хэ у двери и строго прищурился.

— Никому ни слова... поняла?

Уж не знаю, когда наждак сменили на шёлк, но Хэ лишь кротко кивнула и с ребёнком на руках, улизнула из комнаты. Евгений же сразу запер за девчонками дверь, схватил стул и небрежно зачесался пятернёй.

— Ну привет ещё раз... Рой, чтоб тебя.

По спине тотчас пробежала дрожь, но мышцы сковала боль и просто невозможная слабость.

— Кто... ты...?

— Только не говори, что забыл?

Мысли совершенно не вязались в кучу, так что от беспомощности осталось только сжать кулаки.

— Что же...

Тяжко вздохнув, Совесть вновь зачесал волосы и ловко заправил их под семиклинку, заодно запустив мне в глаз латунный отблеск совдеповских часов.

— А вот трудовой народ помнит всё.

Теплота в манерном голосе осталось в дымке ладонных свечей, а за широким профилем распрямившихся плеч, добродушный брат окончательно исчез.

Как и мягкий взгляд в тени клетчатого козырька.

— Вот скажи мне, Рой...

Чека неспешно, даже слегка небрежно, раскурил папироску и пристально вглядываясь мне в глаза, изменился до неузнаваемости. Осанка, голос, произвольный тик... а сейчас от них не осталось и следа. Лишь штатная улыбка и застывший лёд ...

— Как ты дожил до сих пор, раз одной фуражки хватило, чтобы сбить с толку?

Триста первый изрядно польстил потёртой фуражке, но потом протянул мне пачку.

— Если спросишь, где Евгенич, то я подменил «Совесть» уже давно. Не думал, однако, что ты и не заметил перемен в друге.

Разумеется, мне было плевать на сигареты. Пальцы не шевелились, а мозг всё ещё не мог поверить. Не мог принять...

— Что же...

Чека понимающе вздохнул и вынув сигаретку, вставил её мне в зубы.

— Мне даже как-то неловко.

Он строго щёлкнул тяжёлой крышкой латунной зажигалки, но мне всё равно было тяжело вдохнуть пленительный дым. От холодка уж было позабытой синевы, зубы едва сжимали край сигареты, борясь с неконтролируемым стуком, так что горечь табака крепила только страх.

— А ведь на актёрской практике я был далеко не лучшим. Всегда имел пристрастие к допросам... особенно в застенках. Там тихо и никто не мешает...

Струсив пепел, Чека покосился на противно щебетавшую птицу за окном, а потом на мгновение растворился в сизой кутерьме, в тот же миг вернувшись с трепыхавшимся голубем в руке.

— Сначала я хотел его избить, но потом понял, что это был не ты. У вас совсем разный взгляд.

Очевидно чекист говорил про Евгенича, но ровный взгляд не отражал ни единой эмоции, пока мы с, обезумевшим от страха, голубем трепыхались у него в кулаке. Впрочем, я не был уверен, кого из нас он держал за горло сильнее.

— Всё же, в допросной бывают не только мерзавцы. Главное пристально следить и вовремя подать коллеге знак.

Он не сводил с меня взгляда, но с ровным тоном в голосе, ловко провернул часы в руке на уровне пупка и вновь замер, даже не сбившись с размеренной речи, словно всё это было лишь игрой.

Отводом глаз...

— Бывают дети и пьяницы, бывают даже перепуганные мамочки, которые сами не знают, чего бояться: за здоровье ли деток или за то, что воспитали контру.

Он вновь затянулся и тонкой струйкой медленно выдул сигаретную копоть голубю в лицо. Тот слегка приутих, а вот Чека снова посмотрел на меня.

— Всё это всегда видно по глазам... стоит только задать неудобный вопрос или громко гаркнуть, когда они того не ждут.

Ещё раз затянувшись, опер аккуратно приоткрыл окно и выпустил притупленно голубя в небо. Неужели всё это время, Смертью был именно он...?

— Так вот с твоим парнишкой такое не прошло... пускай и стал заливать байки про какие-то миры и буржуазную магию. В глазах не было обмана, а это всегда интригует. Нашёл ли ты редкую правду или искусную ложь?

Захлопнув окно, Чека вернулся за стол у кровати и устроившись на её край, поправил тряпку у меня на лбу, словно заигрывая с испуганной добычей для мягкости мяса.

— Сначала я не верил... Евгенич точно не врал, да и поджидал в моей конспиративной квартире. С такой подготовкой, в агентов стреляют без лишних слов, но...

Совершенно не моргая, этот леденящий взгляд скользил по моему лбу вслед за протирающей его тряпочкой, но от того холодка становилось лишь невыносимо страшно.

Неужели... неужели Молодой был прав. Что Смерть — это я... один из парней. То, с чем я всегда боялся смириться. Спину пробивал ледяной пот, но сигаретный дым затуманил мозг, словно аспирин наоборот.

— Я не верил до тех пор, пока он не показал мне воскресную премьеру детективного фильма. Слизанную с моей жизни и, разумеется, засекреченную похлеще вашей канторы, если вдруг ты не понял намёк.

Собрат совершенно ровно смотрел в окно, где всё ещё разгребали завалы нашей твердыни междумирья для собраний и бухгалтерской возни.

— Пускай ты и спас мне жизнь, но скажи, Рой... почему я не должен подменить такую рухлядь, коль уже увяз в ваших играх? Равенство и добросовестный труд на благо общества у вас всё равно не в почёте, так что, думаю, твои люди будут только рады перераспределению благ в пользу трудящихся... а я не против стать отцом мировой революции.

В груди отвратительно жгло и не собиралось гаснуть от едкости дымка. Однако, на грани сознания стала просыпаться надежда. Ведь за угрозами он давал мне подсказку...

— Так скажи же мне, паразит на теле общества, почему бы мне этого не сделать?

Не знаю, понял бы этот намёк кто-то иной. Уловил бы его зритель того самого воскресного кино, но ледяные глаза пробирали до жути, а мягкая кровать сейчас была не лучше стального стула с планкой для наручников допросного стола.

И всё же...

Я вдохнул и со скрипом прохрипел первое, что пришло на ум, когда прислушался к совету и всмотрелся в стужу этой жуткой синевы.

— Товарищеский... долг...

Чека наигранно всплеснул руками и откинулся на спинку стула.

— И это мне говорит феодал женатый на малолетке? Нашёл товарища, тоже мне...

Он заинтригованно перебирал часы между пальцев, пока мой голос удивительно прорезался от терпкости дыма, который легко бы мог нести не только табачную, а и миндальную горечь.

Но не нёс...

— А людям в застенках ты тоже говоришь про гуманные отношения? Человек человеку друг и всё такое?

Чека очень широко улыбнулся, как настоящий прокурор, услышавший ненароком вброшенное слово, за которое сможет накатать целое дело и подвесить пару глухарей. И всё же, на грани сознания, поглощённого пронизывающим, испытывающим взглядом, я точно уловил, как он одобрительно прищурился и крутанул часы.

— Товарищи или нет не имеет значения. Мы строим разные миры, но моральный кодекс у нас точно один...

— Да ну?

— Иначе я бы даже не проснулся.

Получив желаемый ответ, Чека одобрительно усмехнулся и убрал часы в кармашек жилетки.

— Теорию прошёл...

Товарищ бросил мне аккуратно сложенную бумажку с ровным почерком Альфреда.

— Это список тех, кто пришёл тебя проведать в резиденции. Собралась целая демонстрация. Прямо как на первое мая. Благо, это я это предусмотрел и спрятали тебя не там, а то завалили бы больного цветами. Белые розы? Серьёзно?

Я пожал плечами, а у чеки в глазах впервые замаячил какой-то далёкий, но тёплый огонёк.

— Не стану скрывать. У меня была мысль придушить тебя во сне. Особенно пройдясь по округе, но... может ты и феодал, но твою «практику» за тебя сдали подданные.

Товарищ раздушил бычок о стол и усадил меня в кровати.

— Уж не знаю, чем ты промыл мозги этим наивным работягам или всё это только ради магической прописки, но Евгенич сказал, что вам нужна помощь специалиста и просил помочь, так что ради людей теперь послушай меня внимательно. Повторять не стану.

Ухватив за шею, опер с силой притянул меня к себе тренированной рукой и не сводя строгого взгляда, оценивающе окинул с ног до головы.

— Ты сильный, спору нет, но слишком зависим от примочек. Лазерные пилки, блютус и интернет... у янки свои приёмы, а у тебя магия. Вот ты и проиграл, когда потерял всё это.

Словно прощупывая мышцы плеч одной рукой, Чека ухватил меня за холку и резким смывком до хруста за ушами, вправил тот же позвонок, что и Совесть.

— Ох...!

Чекист лишь фыркнул, но снисходительно похлопал по обмякшему плечу.

— У нас мало времени, так что мы «запитали» тебя маной от брата. Повезло... у меня он умер в младенчестве.

Я с удивлением поднял на него взгляд, взаправду чувствуя в пальцах слабое покалывание маны. Товарищ же поймал мой взгляд и нахмурился.

— Что же. Видимо в магии ты тоже разобрался, как типичный янки. Зачем развивать культуру тела, когда можно выпить, верно?

Проверив на часах какие-то показатели, товарищ повернул циферблат и на мгновение послышался тонкий писк.

— На всякий случай. Магия магией, но прослушка нам не нужна. В прочем, сейчас это не важно. К сожалению, не смогу разъяснить тебе всё на картинках, так что слушай внимательно, янки. Я порылся в твоих архивах и не могу показать бумаги, но ты знаешь, кто такой Альфред?

— Конечно.

— Давно?

— Года три.

Чека нахмурился, но по его натренированной улыбке было сложно сказать, так ли это на самом деле.

— А до этого он появился на пороге с идеальным резюме и представился даже без

фамилии, а ты разумеется, не читал поданную бумажку?

Пришлось пристыженно промолчать.

— О чём я и говорил... не любовь к магии всего лишь бравада, а по сути она глубоко в твоей заднице и вертит, как послушной куклой.

Чека не удержался и впервые искренне усмехнулся. Пускай и от призрения.

— В общем, Альфред умер за три года до вашей встречи. Столичный клерк колелся туго, но пара стопок во всех мирах делает своё дело. Пускай было непривычно работать с колдовским пропуском, но я рискнул.

Он пугающе умело подсветил ладонь маной, как бы намекая на шулерские трюки из полит бюро, но с новой тактикой от сизой кутерьмы.

— Тело Альфреда не нашли, но по протоколу он точно не мог выжить. Это я тебе гарантирую.

— Уверен?

Чека посмотрел на меня с таким выражением лица, что мне сразу перехотелось спрашивать откуда черпается его уверенность.

— А ещё базы нет на троих из нас. На меня ты ничего и не найдёшь, но вот то, что я не заметил имени заверителя под подписью о приёме Альфреда на работу очень настораживает. Кто посоветовал тебе нанять старика?

Вот тут мне стало по-настоящему страшно.

— Совесть...

Чека скептически прищурился, задумчиво сверив что-то в голове, но потом откинулся на стуле.

— Тогда понятно. На него тоже нет сводок. Ни у вас, ни в его мире. Нет даже военного билета или фото на выходе с метро. Такое бывает, но...

Мне решительно не хотелось этого слышать. Не хотелось и всё, однако Чека ободряюще хлопнул меня по плечу и словно вывел из транса, поглотившего меня ещё в предсмертной агонии Альфы.

— Не знаю почему, но магия зациклена на нас, Рой. Даже я с лёгкостью научился паре трюков, но с такой силой, как у тебя, ты сможешь ворваться в мысли любого из нас. Стоит только взять за руку, но будь осторожен. Любая психика имеет свой «Вымпел» на случай, если надо подстричь контру. И не спрашивай снова, откуда я это узнал. Поверь, что просто прочитал.

Подавленность уже не давила, а выжимала последние соки, заставив даже ману покрыться ржавым налётом на сизых всполохах из глаз.

— Ты не должен доверять и мне, но я буду знать о твоей попытке проникнуть в мою память, так что не выйдет проверить, но вот с остальными...

Он в последний раз затянулся и раздавил последнюю сигарету из пачки.

— Не знаю, как для остальных, но магия очень удобная и интуитивная штука. Особенно тем, что в неё, как и в родину или собственные силы нужно просто верить.

Товарищ хлопнул по столу и уверенно поднялся со стула, ловко накинув неприметную плащовку.

— И не бойся за Совесть, янки. Не думал, что когда ни будь скажу это, но... брат остаётся братом. Даже если он продажная контра... а родина должна в них верить до самого конца. Кто, если не она?

Уже собираясь щёлкнуть, Чека вновь обернулся и штатно улыбнувшись, козырнул мне

семиклинкой.

— Ну а здесь моя работа окончена.

В глазах, словно пронеслась вся жизнь...

Пролетела так быстро, что с них, как всегда спала пелена и я очнулся ото сна, тотчас позабыв всё то, что проносилось. Вот только мне так и не удалось вспомнить, когда уснул...

А может кто-то просто ворваться в мою голову и подчистил в ней излишки?

— Что-то случилось, начальник?

Так и не решив сколько пробыл без сознания, я открыл глаза на голос. Рядом сидел встревоженный Молодой, сжимая мою руку и взволнованно приподымая брови.

— Может вам всё ещё не хорошо? Если что, то лучше скажите. Сделаю, что смогу.

По его щеке текла кровь, а он, словно нарочно не замечая, лишь рефлекторно морщился от наспех заклеенных ран.

— А сам-то!

Я притянул его на кровать и схватил за запястье, позабыв о всяких мелочах, вроде глупой головы, пока на глазах едва не наворачивались слёзы, стоило вспомнить о братьях, которых уже не увижу.

— Не смей себя не беречь... приказываю... как... старший...

На глазах таки проступила предательская влага, а голос задрожал.

— У меня... мало осталось...

Я хотел сказать, что потерял слишком много верных парней, но Молодой как-то неуверенно, словно с болью отстранился, когда я стал вливать в него остатки своей целебной сизой кутерьмы.

— Не нужно...

Я придержал его руку, но он с силой вырвал кисть и стиснул предплечье, на котором был старый, подозрительно знакомый шрам.

— У вас и так нет маны, Рой. Я переживу и...

В голове что-то обожгло. Словно окатили мозг кипящим маслом испорченного ужина из видений. В груди всё сжалось от ужаса, но...

— А я разве говорил, что у меня не осталось маны?

Молодой помрачнел и убрав очки в кармашек, спокойно накиннул на плечи чёрную рубашку.

— Нет...

Рубашку, прям как у меня...

И только тогда я посмотрел в зеркало.

— Послушай, Молодой...

Только тогда заметил, как наложенные мне швы точь-в-точь совпадали с его.

— Подай... воды... и...

Парнишка слегка помедлил, но застегнув последнюю пуговку, протянул мне стакан.

— Что-то ещё?

— И прости...

Я что было мочи схватил его за руку и из последних сил раздул искру моей сизой кутерьмы.

Тут-то в глазах и поплыло. Мир медленно растаял, словно на свежую гуашь назло пролили кипятка. Лицо молодого разошлось по холсту жирными мазками и вместе со всем

вокруг, медленно стекло куда-то вниз, словно смыл граффити с бетонной стены в заброшенной высоте.

— Опять...

Мне впервые удалось собрать мысли хоть в какое-то подобие шеренг и медленно, как во сне, проворачивать их на языке. Фракталы покрывали всё вокруг, искажая тусклый, не весь откуда исходящий, свет и даже прилипали к коже.

На руках то и дело оставались маленькие ссадины от жгучей боли, но большой фрактал, словно манил к себе, тихим шёпотом приманивая эшелон из мысли. Манил и направлял тонкой струйкой утекающей сизой кутерьмы, но...

Едва мне удалось разглядеть малюсенький фрагмент, куда рвалась сизая нить, как в спину со всей силы вонзилась обжигающая струя.

— Тебе не сбить меня с пути!

В тот же миг бурая струя смела тонкий эшелон и словно открыв тягу в печь, втянула меня в бурое обжигающее пламя рыжей кутерьмы.

По телу пробежала дрожь, и я очнулся ото сна.

Испепелённый явлением бога, город оказался позади. Не смотря на поправление фундамента, щелчок всё так же переносил в желанные миры, раскатав под мою волю пока что только время, оставив вселенной бескрайнее пространство, а с ним и шансы на борьбу...

В лицо ударил ледяной ветер с преступно позабытым ароматом снега и весеннего льда.

— Я обязательно тебя спасу... только дождись.

Уже заготовив частичку собственной души, я мчался на всех парах, чтобы успеть. Хоть до чёрного дня было ещё с десятков лет, но снег подбадривал сердце неистовой стужей в замерзающих пятках, уже начавших терять ману, так что я обязан был успеть.

— Колдун!

Завидев бурые разводы, несущиеся к ним, из валежника, укутанного снегом, в панике выбежал чумазый мальчишка, а за ним с воплями посыпала целая ясельная группа.

— Колдун...?

За детьми показался и рослый мужик, подпоясанный собственной бородой едва ли не до колен. Чтобы излишне не спугнуть детвору, я притормозил и поднял руки, а охотник взялся за рукоять топора на перевязи и демонстративно приподнял плащ.

— Я пришёл не за этим.

Отвадив перепуганных детишек простеньким фокусом из огненных бабочек, я вновь приподнял руки и медленно подошёл к мужику, заметно волновавшемуся от встречи с колдуном.

— Просто передайте это вашей дочери...

Я вынул из кармана три яблочка и протянул ошарашенному охотнику, в ужасе смотревшему на того, кто знал о его дочурке, умело спрятанная даже от старейшин.

— У неё ведь день рождения... хоть и в тайне, но пусть растёт здоровой.

Переменившись в лице, мужик в полнейшем ужасе опустил топор, но не спешил принять дары.

— Если тебя прислали отнять её, колдун, то только через меня.

В его глазах читался страх, но ради дочери бородач вновь отчаянно потянулся к топору.

— Вы хороший отец...

Я вновь протянул мужику яблоки.

— Будьте уверены... от кого угодно, но от меня ей не ждать беды.

Он ничего не сказал и кивнул на убитого медведя, в чьём валежнике и ютились дети.

— Забери его и не возвращайся. Лучше никому из нас не вспоминать этот разговор.

Мана иссякала на глазах. Настолько сильно, что такое было впервые даже в мире с медленной стрелкой часов.

— Оставьте себе... приданное вам ещё пригодится.

Мужик сразу понял цену моего молчания, но в моём горле уже начал нарастать кровавый комок.

— Я должен... её... увидеть...

Бородач уже хотел позвать дочурку, но из моей груди прорвался сдавленный кашель, так что я придержал его за руку.

— Может и не скоро, но я за ней обязательно вернусь. Уж поздравьте Леру от меня...

Стиснув кулаки, чтобы не потемнело в глазах, я полыхнул бурым огнём и взмыл в воздух. Мана иссякала так быстро, что пальцы щёлкнули уже лишь на грани разума, не дав даже шанса встретить мой единственный свет.

И всё же...

— Пойду на всё, но... встречу её вновь.

С громогласным ударом пальцев, сознание вырвало из бездны, а бурые всполохи до вскрика выжгли воспалённые глаза, вновь покинувшие сон.

Молодого отбросило вспышкой бурой маны, но мне уже не нужен контакт. Интуитивная она или нет, сердце просто знало, что хотело от магии и та покорно полыхнула синевой, войдя с ноги в память двойника, как, по всей видимости, врвался и он, сожрав заодно и все краски несчастного мирка безумством кутерьмы.

В голове всё смешалось. Мысли... догадки... уже не было сил на что-то ещё. Вся серая масса бесплодной фрактальной пустыни, наполнилась ядовито бурой дымкой, а в дали мерцала призрачная тень, словно паук, выжидавшая добычу в толщах паутины.

— Ты меня не остановишь!

Хаотично мерцая, тень оказалась ближе, чем казалась и со всей силы огрела ржавой обжигающей маной, но...

Фракталы не смели спорить...

Я не знал, что происходило. Всё вокруг напоминало спутанный бред, написанный санитаром недоучкой после смены с маразматиком.

И всё же...

Тонкая струйка сизой кутерьмы ухватила за душу, словно рыбку на крючок, и с силой вырвала в очередной фрактальный мир, где я очнулся ото сна.

В глазах всё ещё периодически темнело, словно дух не мог решиться, где же реальность, а где дрём.

— Вот, снова...

Голова раскалывалась, но мирный треск костра успокаивал сильнее, чем тревожили наваждения этой сизой проказы под текстурами мирка.

— Будь она проклята...

Утерев с век остатки бредового кошмара, я открыл глаза и едва не прослезился. Моя любимая... мой единственный свет мирно лежала у меня на груди и не смотря на попытку сна опорочить долгожданное единство, тело всё равно каждой клеточкой помнило прошедшую с ней ночь.

Впервые за, казалось, целую жизнь.

Отогретая после снежного плена, Лера мирно спала с катышком маны в груди, а старый я... совсем другой человек, неудачник, не спасший её, остался там, где и должен был умереть ещё много лет назад. Под толщами снега и льда.

— Настоящий только я... здесь. Больше тебе не стоит бояться... я-то не повторю ошибок.

С каждым ударом Лериного сердца, фракталы медленно испарялись, а мир начинал сдаваться, принимая одного из двух, кто скоро станет единственным... с последним вздохом временного двойника.

— Ради тебя я поймел даже время и сотни миров... изменил будущее и ни о чём не жалею.

Я легонько гладил моё чудо по волосам ещё не веря, что всё удалось... что я там, где должен быть.

— Осталось только восстановить баланс...

Скормить двойника фракталам и...

— Заменить неудачника на бога...

Заплатить вселенной за перепихон.

— Ничего, любовь моя... скоро всё закончится, как я и обещал. Начнём всё заново...

Я тихо прошептал это, зарывшись носом в её пленительно сладких волосах, и мечтательно улыбаясь, поцеловал в темечко, но...

Боль пронзила под ребром, а вдох застыл в нелепом вскрике.

— Закончится... колдун.

Хоть Лера не сдержала всхлипа, но я даже не заметил, как она проснулась, а в её руке, обнимавшей меня во сне, сжался припрятанный охотничий нож.

— И как я... как могла... не понять... сразу...?!

По тонким пальчикам любимой стекала кровь, а нож с хрустом проскользил глубже, но всё ещё не по рукоять.

— Ле... ра...

Рука отнялась, но я изо всех сил потянулся к её заплаканному лицу.

— Это... же... я. Ро...й...

Выпустив нож, любимая вскочила на ноги и брезгливо обняв руками плечи, укуталась в меха.

— Значит, всё это было правдой, а не детским сном? Все те слова о любви и сотни яблок каждый год...

Слёзы текли по её щекам, но Лера лишь отшатнулась от моей попытки схватить её за руку.

— Миры... магия... все эти чёртовы сказки...

Любимая потянулась за своим любимым луком и впервые показала мне заплаканные глаза.

— Если всё, что ты сказал правда, то в этой лавине сегодня я должна была умереть, не так ли?

В глазах темнело, а мана могла лишь обезболить и прижечь, так что я собрал все силы и кивнул.

— Так все эти сны... мои ведения что-то вроде прошлой жизни? То, что прожил ты... в будущем?

Я вновь смог лишь кивнуть, а моя любовь помрачнела пуще прежнего, с тоской

посмотрев на мой плохо сросшийся палец и завернувшись в свой любимый лисий воротник.

— Ясно... всё-таки не его отец... даже забавно.

В её словах слышалась горечь и презрение, а в глазах пропало всё, любимое мною, знойное лето.

— А знаешь...

Неспешно, будто всё ещё считая миры чем-то вроде яблочной магии, Лера взяла со стены колчан и вглядываясь в стрелы, сквозь слёзы, неловко улыбнулась.

— Я бы с радостью умерла в обнимку с тем, кто был в тех снах... правда.

Она медленно вложила стрелу и оттянула тетиву.

— Это всяко лучше, чем видеть моего героя монстром... и до сих пор его любить.

Неожиданно, наконечник её стрелы замерцал позолоченной маной, а в глазах любимой окончательно угас последний огонёк.

— Из будущего ты или нет, но если тебе плевать на время, то уж лучше вернись и никогда меня не встретить... Прощу... останься лишь странным колдуном из сладких снов.

Огонь костра угас вслед за знойными глазами, а во взгляде Леры просохли слёзы.

— А теперь беги. В будущее или другие миры, да хоть в свои чёртовы сказки, но...

Любимая пустила последнюю слезу и остановилась у выхода.

— В этот раз я не промахнусь...

Лера не оборачиваясь выскользнула из палатки и скрылась в снежной кутерьме, а вслед за ней угас и мой единственный свет.

Утонул в чёрной маслянистой тьме.

— Ну как, милоч, понравилось?

Отложив свой гадательный шарик, ярмарочная бабка примирительно улыбнулась.

— И это моё будущее...?

Я не знал почему заплакал. Не было грусти ни боли, но от ясных глаз за золотистой кутерьмой на кончике стрелы стало непостижимо больно... пускай и видел я их впервые.

— Я никому не говорил о силах... откуда ты узнала?

Совершенно не удивившись увиденному в своих видениях, старуха лишь взяла меня за руку и пальцем нарисовала какой-то узор на вспотевшей от ужаса ладони, где уже не было чёрных капель и дымного смога.

— Вы сами себе создали повод поиграться со временем, юноша, и проиграли тому, кого называли временным двойником.

Бабка хрипло хмыкнула и закончив рисовать, прикрыла мою ладонь своей.

— Время помнит обе ваши жизни... но цель у вас одна. Воскресить девчонку — благородный порыв, но любить она сможет только одного, а вот кого...

Старушка провела пальцем почти до предплечья и остановившись, подняла на меня глаза.

— Всё зависит от вас, юноша. Время же всё равно найдёт возможность исправить ошибки.

По спине, впервые за многие годы, пробежала будоражащая дрожь.

— Что же... раз меня ждёт такое будущее, то в пору подготовиться, не так ли?

Я не скрываясь пустил по коже сизый шлейф, но бабка снова улыбнулась и проскользив по ладони, оставила на ней золотистый мерцающий след.

— Магия — это сила тысячи миров, способная создать что угодно... даже неподвластное уму. Можно изменить будущее, а можно сыграть по расписанным ролям. Выбор за вами... Рой.

Не успел я очнуться ото сна, как комнату тотчас разразили дым и гром. Искры пестрили в глазах, словно раскалённое золото, а сквозь сладковатую взвесь показался старинный кольт.

— Таки явился...!

Бунтарь в семиклинке уверенно шагал мне навстречу сквозь туман, а боль в плече отзывалась только вдалеке за грохотом ствола.

Без остановки. Пули хлестали по тонкому слою маны, поливая пол латунным блеском стеленных гильз, а по телу растекалась лишь жгучая боль и яд загадочной маны.

— Она таки меня нашла...

От долгожданной встречи с двойником, сумевшим выйти на старую каргу с золотистой кутерьмой, я не сдержался от нервного смеха и вторя пулям, растворился в пороховом облаке.

Ну а потом вновь очнулся ото сна.

Мир стремительно чернел. Несчастное время замерло в отчаянной попытке не разорваться на куски вслед за сердцем, смотрящим в спину единственной любви, убежавшей в даль.

Словно впитывая всю ненависть и злость, палатка сочилась вязким гноем маслянистой

маны, а бурые завихры сносили к чертям остатки шалаша. Концы же облизывали снег пунцово алыми огнями, пока в конец не почернели от собственной копоти.

Всё вокруг залило непроницаемой мазутой, стекшей с маски молодого пацана, а для обезображенного старика под ней, воздух наполняла лишь выжженная сухость раскалённой кутерьмы.

И тогда...

— Я тебя предупреждал...

Старый, давно знакомый голос вновь укутал уши своим глубоким баритоном, впервые с тех самых пор, как умерло всё то, что осталось в мире позади.

— Ты упустил её во второй раз и не задушил крысу!

Шею неожиданно свело с такой силой, что боль звякнула в ушах и тотчас сникла, словно утонув во лбу, за секунду поменявшемуся с затылком местами на скрученной башке.

— Зато её придушу Я!

В глаза смотрел чернеющий ужас, словно проникавший сквозь призму сна. Мерцающая чернь глазниц и рассыпь багрового пепла заполняли рот вслед за угаром повалившейся копоти, а страх сковал до скрипа в задыхавшейся груди из которой, с треском рёбер, вырывалось что-то из души.

И тут снова разорвался звон отлитых пуль и грохот сладковатых капсулей дымного пороха.

— Ты цел?

Спросил чекист, не отводя моего ствола с того места, где я только что впитывал пули и был снова вырван из сна, уже сменившего прошедший.

— Не уверен...

Честно признался я, всё ещё не понимая, предвидел ли я будущее или это всё ещё сон. Чека же, не ослабляя бдительности, пнул обмякшего на полу Молодого и только приковав его к батарее, медленно опустил мой кольт, давно забытый в ящике стола.

— По крайней мере дышишь... в отличие от него.

Прислонив палец к его сердцу, опер пустил в Молодого сизую струйку и тот тотчас встрепенулся.

— Ну привет...

Чека оттянул его воротник, на плече которого оказалась татуировка маной с цифрой.

— «Седьмой». Не думал, что сосудом всё это время был ты.

Владимирович хотел было плюнуть Чеке в лицо, но тот ловко извернулся и в том же рывке, приложился ему в челюсть локтем.

— Поспи, салага... с тобой разберёмся позже.

Словно нехотя разогнув колени, Чека встал и поправив семиклинку, угрожающе медленно взвёл курок моего колта из старого кино.

— Сейчас есть парнишка поважнее... не так ли, Рой?

Холодные глаза показались лишь в пол оборота, прячась в тени семиклинки, но штатная улыбка прижимала к кровати даже пуще слабости в ногах.

— Так ты всё-таки...?

— Предатель?

Чека усмехнулся и вынув зубами сигаретку, протянул пачку мне.

— Закуришь...?

Я молча кивнул, а давно прожжённый до костей, пёс войны учтиво поднёс к моему рту

зажигалку.

— Или ты хотел сказать, что я просто пешка в руках Смерти?

Ехидно фыркнув от моего красноречивого молчания, Чека, не спеша упёр колыт мне в лоб.

— Благодарю за заботу, Рой, но поверь, моя нежная психика выдержит, так что начинай говорить.

Глаза поднять было удивительно больно, а после сто первого, онемевшее сердце уже не первый час стонало в отрешённом оцепенении, словно под ударной дозой новокаина.

— Если это ради твоего мира, то я бы поступил так же.

В груди щемила лишь далёкая глухая боль, словно копошение врача в обезболенном зубе, так что пронизывающий холод от того, к кому я ещё не успел привязаться, отдавался только горькой оскоминой.

— Скажи, как ты выжил? Почему не замер?

Опер глубоко затянулся и отойдя к столу, остановился в паре шагов от меня, но не отводил ствола.

— Скажем так... я из тех, с кем даже богу пришлось договариваться. Всё же партия не зря оплачивает прививки...

Сердце ужасно жгло. Не от предательства почти что незнакомца, нет... просто не могло смириться с тем, что всё это время за моей спиной никто не стоял и не шёл следом.

Смириться, что мнил себя почти что богом... а теперь обломан какой-то «прививкой».

— Значит, ты сильнейший из стаи? Удостоился чести сидеть у Смерти на поводке?

Чека лишь снисходительно усмехнулся и кончиком ствола отодвинул край клетчатой жилетки.

А в моём сердце опустилась надежда на побег.

— Жаль тебя разочаровывать...

На его плече была всего лишь цифра два...

— Что же... коль мы представились по новой, то давай заканчивать.

Чека вынул из зубов сигарету и вновь уставился на меня слепым глазом кольта.

— Как бы не закончилось наша встреча на «твоем поле», Смерть передал послание. Выслушаешь?

Стиснув кулаки, мне удалось подняться и, как бы не болели ноги, почувствовать жар в глазах.

— Что же. Вижу ты не собираешься умирать. Похвально, но Смерть всё равно поглотит твою душу, Рой, как и многих наших до этого. Он прошёл не мало миров и с каждым становился сильнее, но с твоей у него будут силы вернуть к жизни даже твоего брата. Считай, что в обмен на твою... и не ври, что сам об этом не мечтал.

Предлагая мне торги за собственную душу, дьявол в клетчатой жилетке ничуть не дрогнул от жара сизой кутерьмы и лишь ехидно фыркнув, кивнул мне на ноги.

— Ты можешь попытаться остановить его, Рой, но с такой стойкой ты не пройдёшь даже меня. Я уже говорил тебе, что магия подозрительно удобная штука, но ты не предал моим словам значения. И очень зря.

Смятая сигарета выпала из рук, а по телу разливалась, подаренная Чекой же, мана. В глазах пекло как в последний раз, сочась оставшимся огнём даже сквозь стиснутые пальцы в кулаках.

— Что я, что ты и Смерть... мы один и тот же человек, Рой, и это глупо отрицать. Все

мы просто разошлись на распутье... и Смерть будет ждать тебя на том, где разошлись вы. И прошу... не спрашивай о каком месте я говорю.

Я дослушал, но в глазах темнело, а привычно ласковое жжение в кулаках напоминало сейчас, скорее, расплавленный свинец.

— Что же, я передал послание, а теперь...

Я собрал силу для последнего рывка и попрощался со всеми, кого смог вспомнить в расплывавшемся мозгу, но Чека лишь усмехнулся.

— Пока я не передумал...

Усмехнулся и прокрутив кольт в ладони, протянул мне рукоять.

— Пока ты не стал задавать вопросы, скажу прямо. Я выбрал сторону, а мой мотив тебя не касается.

Семиклинка скрывала его леденящий взгляд аж до щетины, но стоило унять беснующееся пламя, как, чекист уже схватил меня за руку и вложил в неё пистолет.

— Ты и так слишком заигрался в защитника всех и вся, янки, так что поверь... полёт на Солнце ночью не изменит сути. Свои верные «крылья» ты уже сжёг... парней не вернуть слезами.

Чека помрачнел даже сильнее, чем от тени козырька, но затянувшись, пустил в меня лишь дымный клубок своей терпкой беломорки.

— Так что давай сойдёмся на том, что я просто возвращаю должок за то, что не стал одним из них.

Опер крепко сжал мою руку и сквозь, раздутую до красна, сигаретку тихо процедил в лицо.

— Запомни, Рой... я не хочу стать ещё одним «сгоревшим крылом», так что будь добр пойти на всё...

Пока голова нашла силы смириться с реальностью, Чека снова взял пистолет и выбив штифт, отстегнул ствольную коробку.

— Сорок пятый Лонг Кольт. Воспламенение патрона центральное, но...

Поймав мой прохладный взгляд, Чека укоризненно поцокал, но всё же ловко раскрутив ствол, вынул патроны.

— Бородатый ствол. Уж не думал такой достать, но ради такого малыша, умельцу под патроны пришлось ослабить давление пороховых газов, а ты даже с него не стрелял. Позор, да и только.

Наконец, в ногах пропала последняя правда. Согнув поскрипывавшие колени, я смог упасть на стул у кровати и уняв полыхание в глазах, затянуться подобранной с пола сигареткой.

— Прощу...

Со всей навалившейся усталостью и томной болью в распрямившихся плечах, я затянулся до помутнения в глазах и тремора в руках, закинув ноги на стол.

— Не на корову спорим и не за родину торгуемся, чтобы забивать голову чепухой.

Чертяка в клетку не сдержался и произвольно фыркнул.

— И по чём же у янки торгуют родиной?

От едкости аэрозоля из дыма и сарказма, голова наконец, приняла реальность такой, какой она была. Молодой, сто первый...

Моё проклятие пережить их всех и умереть последним из своих.

Остаться единственным крылом.

— Хоть имя-то у ствола есть?

— «Чехов».

Чека не сдержался и сипло прохрипел, всё также не изменяя своей штатной улыбке.

— И в чём посыл?

— В конце он должен стрельнуть...

Капитан нахмурился, но прекратил допрос, без лишних слов вложив в барабан всего один патрон.

— Ладно, янки, не слушай взрослых, раз такой умный, но его возьми.

Чека протянул мне пистолет.

— Тебе он пригодится уж точно больше, чем мне.

Посмотрев на Молодого, я поймал себя на том, что хотел бы пустить ему пулю, но отвращение к мысли, что стану похож на сто первого, лишь поморщился и нервно схватился за рукоять. Однако опер удержал кольт и строго посмотрел мне в глаза.

— Будь осторожен с ним, янки. Я не когда де не думал, что меня сможет заболтать и убедить какая-то рыночная бабка, но раз такое произошло, то грех не поверить в магию. Тем более, что её трюк с порохом сработал.

Он демонстративно сжал пистолет и кивнул на Молодого, которого от этих простеньких пуль не спасла даже чёрная крупица маны в области души.

— По сути я ничего не сделал, но ты видел результат.

Чека опустил ствол и только тогда не спеша разжал пальцы.

— Не знаю, что за страшные тайны хранят ваши местные бабки, но впереди всё самое страшное, Рой, так что иди к брату и подзарядись. Он умирал во всех мирах, какие я только повидал, так что, думаю, господин использует его, как батарейку для маны, поглощённую из замерших миров, а от того он и всё ещё жив. Хоть и не совсем... по крайней мере где-то глубоко внутри.

Капитан посмотрел на время и протянув мне руку, кивнул на дверь.

— Понимаю, что не всем дано очерствить сердце по щелчку, но...

Холодный взгляд вновь напомнил о том, почему я боялся встречи с ним, а мозолистая рука крепко сжала пятерню, без лишних слов намекая, что у меня уже нет другого выбора, как идти до конца.

— В общем, не оплошай, янки, но будь осторожен. Следующий удар я уже не предотвращу...

Проводив меня взглядом до двери, очень странный парень из триста первого мирка вновь опустил козырёк семиклинки и хотел было отвернуться к Молодому, но...

— А теперь мой ход!

Словно захлестнув ночной волной, плевавшей на устои бытия, семиклинку утопило в водах маслянистой прибоя и бесследно испарило в шторме чёрной кутерьмы.

Спустя пару ударов в живот, я уже не сдержался и с полного размаха приложился по выродку окованной рукояткой.

— Говори... пока ещё можешь!

С надорванных краёв провисшей челюсти стекли почерневшие слюни. Кольт глухо звякнул о сломанную кость, но Молодой медленно поднял голову и скривился в подобии оскала, окутанного чёрной кутерьмой промеж сочащихся краёв сколотых зубов.

— И что же ещё не знает всеильный «вожак»?

С неестественным треском приоткрыв пересобранную челюсть, испещрённую рваными швами, стянутыми лишь мраком кутерьмы, Молодой с азартом слизал с губ остатки маны и усмехнулся.

— «Не стоит играть с фундаментом вселенной»... как сейчас помню ту надменную рожу.

Трёхсотый сплюнул кровь и хрипло засмеялся, припоминая мою попытку побаловать гордость.

— Уж не знаю, чего хозяин так переживал на твой счёт...

Церемонии остались в пролом. Как и слабость, и отложенный за пазуху ствол.

— Ты бросил кости в опасной игре, Рой... не думай, что после этого, удастся собрать свои.

Я подобрал с пола оставшуюся пачку чекистских сигарет.

— Что же... может ты и прав. И всё же, как насчёт этого...?

Я затынулся беломоркой и впервые улыбнулся, прижав огниво к чьей-то ямочке под носом. Глаза Молодого тотчас закатились, а морда судорожно затряслась, не успев даже вскрикнуть.

— О нет, паскуда...!

До скрипа затянувшись и повторяя за Чекой, я даже понял, почему мог бы пойти в органы.

— Так легко ты не уйдёшь...

Ожог Молодого стремительно затянулся прямо на глазах, исцеляя пешку могуществом хозяина, а в сердце закралась даже изошрённая радость от продолжения «банкета».

— И всё же, в этом что есть...

В его сердце с пальца соскочила маленькая искорка сизой кутерьмы и всё повторилось вновь. Снова... и ещё много раз.

— Х... хва...!

Едва шевеля губами, Молодой пускал со рта всё слабеющую струйку мазуты, уже не компенсировавшую потерянную кровь, но всё ещё держался.

— Говори громче, а то я не расслышал.

— Хва... тит...

Убрав сигаретку от дрожавшего «седьмого», я схватил его за чуб и затынулся, чтобы не ругнуться.

— Тогда говори, почему я? Раз ты говоришь, что он так силён, то почему Смерть до сих пор не пришёл за мной сам?

Не смотря на выжженную душу, Молодой всё равно сквозь зубы сипло прохрипел, но

бить истерзанную плоть, чтобы достучаться до испепелённого сознания было уже бессмысленно.

— Что же... раз ты этого хочешь, то я последую совету и подзаряжусь. Сам подумай, что будет с тобой, когда я вернусь.

По порванным щекам парнишки пробежала едва заметная судорога, а края глаз нервно свело целой складочкой морщин.

— Хотя знаешь... скажи лучше, почему мой брат? Зачем Смерти такой сосуд для маны? Почему наш мир?

Отпустив окровавленный ковыль его волос, я вспомнил холодный взгляд из-под козырька и подступавшие сомнения в миг отступили на задний план.

— Это и есть его мир...

Молодой не успел договорить. Испещрённая чёрными швами, его гортань в момент побагровела, а за лишние слова, по стопам тотчас задымилась обжигающая мана.

— Нет...! Нет! Нет! Нет!

Молодой не успел даже закричать, когда его ноги вспыхнули от красноватого пепла в той самой области души и растаял в воздухе чёрной дымкой смольной кутерьмы.

— Прощай... Молодой...

Слежка за пособником не удивляла, но на душе оставалось чувство, что я давно без шансов проиграл. То самое предательское чувство до дрожи пробираемой радости, что не встретил Смерть с тех самых пор, как потерял Леру. И всё же, раз триста первый сделал ставку на меня...

Медленно втянув обратно струйки живительной сизой кутерьмы, отчаянно питавшие кучку пепла там, где был Молодой, я вышел из дома. Как бы то ни было, а он подтвердил мои догадки, что все видения уж больно походили на воспоминания, чем на иной мир, которые всегда имели свою собственную статью, порядком отличаясь от других. И всё же, в голове уже вырисовывался план.

Я посмотрел на дом Хэ и с болью сглотнул.

— Пора...

Обомлевший, едва ли не остекленевший взгляд сменил показное раздражение, когда Хэ посмотрела мне в глаза, сразу почувствовав любящим сердцем то, зачем я пришёл.

— Нет...

Я молча шагнул ей на встречу, даже не пытаюсь оправдаться в том, за что ненавидел себя сам... но что должен был сделать ещё очень давно.

— Не смей!

Дом сотрясался, стоило мне сделать шаг к привычному углу, где сидел брат. Лицо болело от ссадин окровавленных ногтей, а нос пробивала едкая копоть прожжённого паркета, кружившая вокруг в облаках испаряющихся девичьих слёз.

— Прошу...!

Я не смотрел назад. Не смотрел ей в глаза даже тогда, когда Хэ повисла у меня на шее в попытке остановить любой ценой, со всех силёнок отчаянно упираясь в пол алыми всполохами маны. Не смотрел, чтобы не остановиться и не поверить в заманчивую ложь, что Смерть кого-то спасёт... не поверить в спасительное зло, как бы не лились её бардовые слёзы.

— Ты знаешь, зачем я здесь... брат.

Как можно мягче отведя Хэ в сторону усилием сизой кутерьмы, я полыхнул так сильно,

как только смог, и посмотрел Ростику в глаза, где впервые за столько лет действительно разглядел далёкий, едва заметный огонёк. Едва тлевшую искру, которую заметил даже Чека, но только не я...

— Так, всё-таки, ты всегда был здесь... просто не мог до меня достучаться.

Словно отвечая гневом, завывания маны срывали мебель и хлестали по слою защитной кутерьмы, а я впервые за все эти годы понял, что всегда защищал лишь свой бутафорский мирок, где мог быть богом хотя бы в собственных глазах...

— Прости дурака, брат... всё же, мне стоило потерять всех, чтобы это понять.

Едва сдерживая дрожь, я прикоснулся к заботливо отглаженной рубашке, под которой впервые разглядел спрятанное чёрное ядро. То самое магическое сердце у всех на виду, облепленное алой братской кутерьмой, что и отзывалась на истерику частички под сердцем у Хэджон.

— Всё это время ты сдерживал Смерть, а я даже не подозревал... но теперь я готов.

Полымя алой маны гневно срывало даже сизую браню, обжигая кожу пунцовым лизуном протуберанца, но, словно ожидая этих слов, брат перевёл взгляд на Хэ и впервые улыбнувшись, с облегчением унял безумство кутерьмы.

— Надеюсь, ты меня простишь...

Под стоны связанной Хэ, мои зрачки полыхнули в тот же миг, как брат незримо кивнул и закрыл глаза, а в мою душу ворвалась вся неистовая сила черной маны, заполняя душу бесконечным мраком искалеченных жизней тысячи миров...

Всего того, что убивало брата... и что, за трусость, заслуживал я.

И всё же, стоны за спиной перешли на задыхающийся плач. Пламя алых завихров медленно растворялось в дыме прогоревшего паркета, а душа моего единственного родного человека наконец упокоилась в крошечном фрагменте под сердцем Хэ.

— Теперь...

Я не смог сказать, что отныне они всегда будут вместе. Слова просто застряли в горле, а взгляд так и не нашёл сил, чтобы посмотреть Хэ в глаза. И всё же... как бы не застилали их отчаяние и дым, я вновь почувствовал былой жар, а с ним и жгучую боль осквернённой кутерьмы, но за щелчком очутился там, где не было ненависти в каждом вдохе тлевого паркета и взвеси испарённых слёз.

Поднабравшись от Чеки и чувствуя опасность волосками на затылке, Совесть не краснея отоврался перед маленькой девочкой в красной шапочке и завёл «папиного друга» за ближайший угол.

— Не ожидал так скоро. Всё в порядке?

Самый верный... единственный оставшийся брат стянул с головы семиклинку и растерянно забегал глазами по округе, словно высматривая скрытую камеру.

— А где Руслан Палыч?

От его слов по щеке пробежала произвольная судорога, а в глазах зрачки вскружились в пугающе жгучий сизый ураган, заставив глубоко вдохнуть и прикрыть глаза.

— Эта его дочь?

Я кивнул осевшему Евгеничу за спину, где весело резвилась наша, родная каждому, дочурка с подаренными «папой» шариком и сладкой ватой, а рядом шла милашка в скромной юбке до земли, но с улыбкой до ушей.

— И всё равно, ты и правда настоящая совесть...

От мысли о сто первом с его сундуком, пропахшим хлоркой и аммиаком, по траве под

ногами заскакали огоньки, но мой единственный друг примял всё сапогом и прижался к стене, стоило протянуть к нему руку, из последних сил сдерживающуюся от сизого пламени.

— Даже если «первый» в стае...

За воротником отглаженной рубашки показалась цифра, которую я до последнего надеялся не увидеть. И всё же, зная себя, после Молодого, я уже не сомневался, кто стоял у всех нас за душой.

— Пойдём домой, Евгенич... чтобы не было с Чекой, тут он был бы рад.

Я со скрипом улыбнулся помрачневшему брату и аккуратно закрыл цифру накрахмаленной тканью, просто забыв, что было под ней за ослепляющими улыбками девчат.

— И это всё?

Совесь помахал дочурке и с плохо скрываемой тревогой, отстранился.

— Не думаю, что ты восстановил силы и отпустишь меня вот так просто. В конце концов, ты всегда был на крючке, и я хорошо справлялся. Сам знаешь... трон притягивает куда сильнее, чем весит сам. Или ты хочешь покончить со мной где-то ещё? Коли так, то дай хоть попрощаться...

Я не стал отвечать. Проводив девчонок взглядом до ларька с бесконечной очередью за эскимо, мне хотелось лишь молча раскурить последнюю беломорку и просто постоять. Молча проститься с излюбленным миром и сладким дымом ладанных свечей.

— Брат останется братом...

Наконец, я протянул Евгеничу сигарету и медленно положил руку ему на грудь, где тотчас засветилась сизая частичка моей собственной души, уже возвращённая захваченным Чекой.

— Даже если он продажная контра.

Примирительно стукнув брата в грудь, я кивнул на ошастливленных им девчонок, оставив частичку сердца там, где ей всегда и было место.

— Возвращайся домой, Совесь... и прощай.

Старая пыль взмыла в воздух, клубясь, словно раскуренная блажь. Кожаный переплёт истрескался почти до корешка, а бумага позеленела от сырости подвальной библиотеки. И всё же, спустя очередные сутки, треск изношенной книги, наконец, отдался мне не только горьковатой пылью на зубах и узором удивительно древних пиктограмм.

— Нашёл...

В темноте, видения преследовали всё чаще, но не смотря на мигрень и подвальную сырость, я впервые за всю сознательную жизнь был трезв умом, как никогда. Уже не думая о капитане, руки не считали времени и кропотливо перелистывали сотни страниц, наконец, найдя желаемое.

То, что позволит всё изменить и перевернуть осточертелый стол с устоявшейся игрой...

То же, что нашёл и Смерть.

— Прости, Чека...

Руки медленно налились свинцовой тяжестью маны, отдав сокровище магического мира тому, кто в дымке ладанных свечей, наконец, превратит всё это в сказки мира без безумства кутерьмы.

— Прости, что из-за меня стал «сожжённым крылом», но...

Тело вспыхнуло сизыми завихрами, раскидывая всё могущество магии в замирающий мир моей маленькой дочурки и милашки с улыбкой до ушей.

— Как ты и просил...

Я всем естеством ощущал, что время заспанного мира разгонялось, крутясь вокруг меня как на оси, набиравшего скорость, колеса, а с тела улетучивались просто адские протуберанцы плазмы из жизни тысячи миров, окончательно ломая устоявшийся порядок поматрошенной вселенной.

— Я дойду до конца!

С пошлым стоном, отыметое время уже дошло до грани в ласке сизой кутерьмы, поравнявшись с моим на стрелочках часов, а я закинул капсуль за щеку и щёлкнул пальцами, как в последний раз.

Стоило прогореть сизому топливу, как всё стихло. Даже не задумываясь, я снова щёлкнул, но уже не насилуя время, а по привычке изменяя ему с куда более отзывчивым пространством.

— В общем, не оплошай, янки, но будь осторожен. Следующий удар я уже не предотвращу...

Не успев обрадоваться успеху заклинания, вернувшему меня в собственное тело не на пятнадцать минут, как обычно, а на добрых трое бессонных суток в прошлое в обмен на всю мощь тысячи миров, как Руслана Палыча у меня на глазах вновь втянуло в чёрную волну маслянистого прибоа.

— Хрена с два!

Я что было силы сжал кулак и впервые в жизни позволил мане течь по телу и глазам, словно продолжению бурой кутерьмы.

— Ты хотел встречи, сволочь... ты её получишь.

Хоть заклинание с руной и обескровило магический запас, но я резко разжал кулак со стиснутыми в нём потоками ржавой кутерьмы, и с ноги ворвался в насильно распахнувшиеся

чёрные врата, утонув в безграничном мраке когда-то серого фрактального мирка.

Медленно...

Чертовски медленно, словно нарочно разрезая маслянистый угар, расплывшийся по призрачным кубам, с неба, впервые с того самого дня, спустился белый... бесконечно белый цвет лоснящегося пиджака облегал истощённые плечи, а рубаха облипала проступавшие рёбра, подчёркивая лишь тонкость почерневших губ.

И всё же... едва нависая над землёй, словно неприкаянный дух, силуэт не касался пальцами пола, а с его ног сочилась маслянистая, словно жирные щупальца пролитой нефти, неестественно перетекающая и вязкая мана...

Чёрная, как Смерть.

— Раз ты здесь, то старуха добралась и до тебя.

Демонстративно расправив плечи, пугающий лик чистого зла исказился в подобии улыбки и, словно встретив блудного сына, протянул ко мне руку.

— И ты нашёл её руну... что же. Мы не такие уж и разные.

В тот же миг меня словно прожгло насквозь.

— Я верну Леру и временному двойнику мне не помешать... поверну время вспять столько раз, сколь придётся, но верну ту, что любила меня. Неудачника, ставшего богом...

От касания бледных пальцев, измазанных в маслянистой кутерьме, по призрачной глади зачарованного мира, растеклась широкая рябь, достигшая ног и сковавшая тело незримыми щупальцами маны.

— И не говори, что ты здесь не за этим же...

Я чувствовал, как мой ночной кошмар выедал мозги, оставляя на губах лишь кровавые потёки. Голову пронзали тысячи видений, словно разбросанная мозаика, но чем глубже Смерть вгрызался в голову, тем я отчаяние хотел ему поверить. Соблазниться призрачной надеждой и сделать всё, как и обещал любой мужик своей любимой, чтобы спасти наш единственный свет, но....

— У нас и правда одна цель... даже тошно.

Мой личный дьявол в Прадо медленно сжал пальцы, пронизав ноги жгучей взвесью из дымной кутерьмы. Все наши прожитые жизни смешались в голове в единый винегрет, который могло развязать только время, разрубив узел и сожрав лишь кого-то одного в пользу мира, который построил второй.

— У нас посторонние...

Я закрыл глаза и сквозь боль впитал потоки маслянистой кутерьмы, разорвав и дымчатый капкан. Из тени белоснежного пиджака тотчас распрявился Нагильфар, инстинктивно принявший сторону силы, но я знал его повадки наперёд. Стремительный рывок и портал обвился вокруг его шеи, а открылся в стороне, оставив пасть смыкать легендарные челюсти в отдельности от тела.

— А теперь ты...

Словно сам желая этого, Смерть проводил взглядом желтоглазую фигуру у него на плече, которую мне впервые удалось заметить наяву, и с визгом дымной маны, развеять силой кутерьмы.

— Давай закончим с этим...

Я стиснул зубы и сквозь немые слёзы, не смотря на трепещущий ужас, протянул врагу руку.

— Да будет так...

Словно измытаясь над немощью подсосов, Смерть притянул меня к себе и с хрустом сероватых костяшек, сошёлся со смертным в рукопожатии судьбы. Я думал, что готов ко всему, но чёрные всполохи выжженных глаз мгновенно стёрли синеву и с адским заревом вгрызались в душу, медленно поглощая взглядом барицентр наших беснующихся сил. Миры сменялись раз от раза, обжигая красноватым пеплом на потоках кутерьмы, а протуберанцы между нами, развеяли, как дым, остатки фрактального мирка, оголив меха боярыни тайги. Место, где мы оба сделали выбор и о котором пожалели настолько, что стали носить Прадо.

Обледеневшие стены знакомой тюремной ямы встретили обжигающей стужей, уже давно позабытого мира без весны. Мира ревнивого леса, доставшего меня даже сквозь года и за чьё украденное лето я был проклят на бой с самим собой — самым страшным злом.

Злом, которое хочется понять.

И всё же, под хруст вырванной души, стрелочка часов вновь отсчитала годы до того самого дня, когда всё пошло под откос, а сквозь бурые разводы взвеси облаков моей разодранной маны, пронеслось любимое лицо и мрачные стены старого депо.

— Прощай... Лера.

Стиснув зубы, я не сдержался от улыбки, завидев любимые глаза, и в обнимку со Смертью, с последним вздохом утонул во взвеси раскушенного капсуля с золотистой кутерьмой.

А дальше была лишь тишина.

Ни ворот. Не котлов... не было даже чёртовых жаворонков и вечного древа. Ничего, кроме маслянистого угара бесконечной темноты. Не выдержав потрясений, время, схлопнулось, словно два пожара, погасивших друг друга смолью дыма и золотом огня. Ход мыли слился с пустотой, оставив в покое после урагана всполохов и болезненных огней, проходившихся по памяти катком.

Казалось, что я закрыл глаза. Не чувствовал. Не знал, а лишь сделал всё, что могло бы их закрыть в мире без чувств и единственного лучика света, но... Раз за разом, в теле проступала боль, словно истощённое время пыталось стереть меня из памяти, как досадную ошибку. Не лучшего в постели временного двойника, поправшего устои бытия и переписавшего стройный ход её хронологической фигуры. И всё же, боль повторилась вновь. Я спал с множеством девок и не нашлось бы той, что не простила мне всего-то одну «украденную» ночь и посаженный приплод, но боль настырно возвращалась вновь и вновь.

— Кто... ты...?

Язык едва поддавался уговорам головы, но глаза не верили в увиденную взвесь золотистой маны, разорвавшую руками беспроглядный мрак маслянистой кутерьмы.

— Натворил же ты делов... а ведь я предупреждала.

В мгновение ока развеяв оковы тьмы, блистательная фигура из маны и огня, спустилась ближе и бесследно стерев остатки маслянистых щупалец, мягко прислонила руку к моей груди.

— Тебе была дарована великая сила и право поиграть в бога, Рой... теперь дай времени течь, как задумано судьбой.

— Значит... теперь я точно всего лишь временной двойник?

Ослепительная фигура сочувствующе погладила по щеке и кивнула.

— Поверь, пусть уж лучше наша встреча войдёт в написанные тобой легенды, чем ею станет весь, переписанный тобой, мир, как хотел Смерть...

Под её пальцами стало жечь, но вместо боли незнакомка из видений лишь как-то

печально рассмеялась и окунула меня в безумство золочёной кутерьмы.

— Не расслабляйся, юноша. Твой конец был прописан не здесь. В этом депо ты не умрёшь.

Ослепив вспышкой чистой маны, фигура растворилась без следа, а я горел от испарины, но вокруг вновь не было ни души. Словно всё было сном. Заделом на новую главу или дерьмовым сиквелом к старому кино с перевранной озвучкой, в которой я бы стал героем, а не пьяницей и мразью.

Вот только я давно уже не верил в сказки...

И всё же, под спиной была кровать Хэджон, а в груди мешалась боль и трепетавшая радость от того, что просто жив и слил свой самый жуткий ночной кошмар. Закадычного врага, павшего, как в дрянном кино без эпичного конца. Неожиданно и без следа.

Радость от ценности скучного финала для того, кто был героем и просто не умер для красного словца. Радость, что обыграл объятия дымной кутерьмы приёмом из его же навеянных снов...

Хэджон же сидела напротив, но смотря куда-то сквозь меня.

— Хэ...

Стоило коснуться её колена, как сноха медленно подняла на меня совершенно пустые глаза и, словно в трансе, вновь опустила взгляд, а по застывшей гримасе скорби вновь потекли слёзы.

— Тебя нашла Сюзи. Она летала... одна... всю ночь и... нашла... в яме...

Разбитая и поникшая, одна из лучших женщин промзоны, казалось, постарела на глазах. Хэ не стала даже кричать и лишь тихо отошла к креслу брата, уюстилась у него на плече. В груди же моей маленькой, мирно дремавшей суженной и правда ярко пульсировал комочек сизой кутерьмы, взывая к остальным частям моего умирающего тела.

— А ведь это я обещал спасти... вот что я за мужик?

Тревожно хмурясь во сне, Сюзи прижималась ко мне и невинно цепляясь за краешек уже переодетой рубашки, просто вынуждала улыбнуться.

— Умница...

Даже не ожидая, что мой же подарок спасёт мне жизнь, а не добавит мороки со спасением принцесс, я поцеловал девчонку в лоб и влил в неё ещё больше кутерьмы.

— Остальное зависит от тебя...

Бережно переложив супругу на подушку, я оставил, отныне, самого сильного мага зоны, мирно досматривать сны, а сам с трудом согнул колени, до жути пронизанные холодом и всё больше заполняемые вязкой маслянистой кутерьмой. Мерзостью в не времени, пересевшей на меня и в путях золота, обречённой уйти со мной в могилу.

— Хах... не думал, что из-за этого стану «ходячим мертвецом».

Сизая россыпь всё ещё бурлила в жилах, подкопившись вновь за те пару дней, что отлистал календарь, пока я спал.

— Вот тебе и шанс...

И всё же... в душе была лишь пустота. Пустая оболочка для, пожирившей изнутри, отчаянно бьющейся дымной кутерьмы.

— Чёртова магия...

Я медленно доковылял до кресла и молча посмотрел на чистое и бескрайнее небо за сверкающим стеклом. Смотрел вместе с Хэ на солнце, под которым счастливо миловались Рой и всё то, за что боролся даже Смерть... постаревшая, но счастливая и живая Лера.

Наш с ним общий... вновь засверкавший свет.

— Отдай мне частицу, Хэ. Не стоит помнить такого козла...

Хэджон не отвечала, но я знал, что она всё поняла от силы пульса моей сизой кутерьмы в её груди. Там же, где теплилась и последняя братская искра. Поняла, что мир изменился и этот ад — временной пузырь, из которого уже виднелся далёкий и недостижимый рай, рано или поздно, медленно растает, как пачка эскимо... переродиться в чудное место без того, кто носил Прадо.

Вот только не для тех, кто связан с бездушным мертвецом... иссыхающим временным двойником.

Наконец отозвавшись и со всей нежностью взяв свой смысл жизни за руку, Хэ со всех сил сдержалась, чтобы не зареветь, медленно провожая взглядом его растворяющуюся кисть в золотистой кутерьме, стиравшей с глаз остатки сизого налёта временно пузыря.

— Знаешь, Рой...

Со стен медленно стекала взвесь, открывая взгляду чистые стены и добротные шкафы, словно снимая с убогого дома зачарованную дымку после поцелуя истинной любви.

— Совесть предложил мне выйти за него замуж, представляешь?

По её изнеможённому лицу прокатилась судорожная улыбка и хриплый истерический смешок.

— Это так в вашем стиле... столько терпеть и сказать такое при неостывшем муже. Всё же, вы, «Рои», такие козлы...

Хоть я и запретил Евгеничу появляться в моём мире и тем более в доме с Хэ, но, как бы не злился на самого себя за такую вопиющую дерзость, а был чертовски рад.

— Но знаешь... самое смешное, что я согласна. Пускай и страшно от того, что после стольких лет, от его слов мне впервые стало легче. Слово спало с плеч...

Отстранившись от Ростика, Хэ впервые утёрла слёзы и не моргая посмотрела на меня с далёким отблеском её строптивой взвеси из огня.

— Я ненавижу себя за это, но тебя презираю всей душой, Рой. Ненавижу настолько, что не забуду, даже отыми ты у меня всё. Забудь я даже собственное имя, но тебя...

Её глаза пугали, но в них всё равно читалась непоколебимая нежность, не способная на ненависть.

— Я всю жизнь знала только тебя, Рой... с мыслями о тебе мне уже нет дороги к мужу. Утешай себя или нет, но моим суженным, по сути, всегда был только ты, но теперь... мне впервые не придётся себя ненавидеть и смывать тебя с кожи кипятком.

Со слезами на глазах, моя любимая женщина посмотрела в окно, где с покупками возвращалась её новая, до ушей улыбавшаяся и постась об руку с драгоценным... настоящим мужем.

— Пусть уж лучше хоть эта Хэджон проживёт в мире без тебя... а я останусь шлюхой, но с тем, кто меня любил задолго до тебя... хоть ты это и скрывал.

Я не нашёл, что ответить, да и не было причин. В конце концов, брат это заслужил.

— Тогда уходи, Хэджон. Я не стану умолять тебя остаться со мной в могиле... Совесть бы уж точно такого не позволил.

Хэ очень грустно улыбнулась и подошла ближе.

— Я правда любила мужа, Рой, но...

Встав на носочки и заглянув в глаза, дорогая сердцу женщина поцеловала меня в щёку.

— Спасибо, что, наконец, подарил мне свободу...

Уже на грани золотистой маны, изящными изгибами фигуры, исправлявшей мир, Хэ улыбнулась мне в последний раз, пока её заплаканные глаза не растворилась в порталной кутерьме.

— Прощай, Хэджон...

Из окна пробилось яркое полуденное солнце, но мне впервые было не больно смотреть сквозь яркие лучи. Впервые было приятно отложить на стол пачку чекистских сигарет и под звук открывавшихся дверей, испариться вместе с женой в сизой кутерьме. Впервые было так легко уместиться в рабочее кресло и встретить день без мысли о последней пуле в старом, давно дожидавшимся кольте.

— Прости, Чехов... твой патрон уже нашёл свою цель.

Я медленно покрутил в руке пистолет с пустым барабаном и медленно отложил его на стол, впервые осознав, что всегда хранил его именно для этого дня... момента, когда смогу посмотреть не на мой драгоценный лучик света, а туда, куда он освещал мне путь.

Погладив Сюзи по русым прядкам растрёпанных волос, мне вновь захотелось жить, но на пороге стали проявляться фракталы, от чего лишь сильнее захотелось увидеть новый мир, что соткёт из золотистой маны и огня уже знакомой фигура.

И всё же... мой конец не здесь.

— Да возродиться мир из нас...

Я поцеловал мою суженную в тёплое темечко и впервые доверившись сизой кутерьме, с радостью щёлкнул в свой последний раз...

Больше книг на сайте - Knigoed.net